Полночная любовница

Автор:
Никола Корник

Полночная любовница

Никола Корник

Маскарад – HarlequinСкандальные дамы высшего общества #3

Меррин, в отличие от старшей сестры леди Джоанны Грант, известной светскими приемами, выглядит синим чулком, скрывая, что под видимостью заурядной жизни она работает на частного сыщика. Меррин жаждет отомстить Гаррику, новоиспеченному герцогу Фарну, убившему ее брата. Но во время пивного наводнения молодые люди оказываются перед лицом смерти, и неприязнь и ненависть друг к другу перерождаются в безумную страсть. Но возможно ли сохранить трепетное чувство после того, как ужасы наводнения останутся позади?..

Корник Никола

Полночная любовница

Моей матери Сильвии

Когда к жизни любовь меня в мир призвала,

Мне уроки любви она сразу дала,

Ключ волшебный сковала из сердца частичек

И к сокровищам духа меня привела[1 - Перевод Н. Тенигиной.].

Омар Хайям. Рубаи, стих 108

Глава 1

Лондон, ноябрь 1814

– Мы не ждали вас, ваша светлость, – произнес Поинтер.

Пальцы Гаррика Нортекса, герцога Фарна, расстегивающие пуговицы шерстяного пальто отличного качества, замерли. Его плечи были усеяны дождевыми каплями – в тусклом свете свечей они поблескивали, как припорошенные пылью драгоценные камни, и скатывались на каменные плиты пола, образуя лужицу.

– Я тоже рад тебя видеть, Поинтер, – ответил он.

На лице дворецкого не дрогнул ни один мускул.

Гаррик подумал, что, видимо, его покойный отец никогда не шутил с прислугой. Покойный герцог славился многими качествами, но отнюдь не чувством юмора.

– У нас не было времени подготовить для вас покои, ваша светлость, – продолжал Поинтер, – и в доме нет никакой еды. Я получил ваше сообщение всего несколько часов назад и еще не успел никого нанять. – Он жестом показал на зачехленную мебель и пыльные зеркала. – Дом был закрыт. У нас не было возможности провести уборку.

Сомневаться в этом не приходилось. С люстры в центре просторного холла свисала длинная паутина. Зачехленная мебель и статуи, отбрасывающие длинные тени, только усиливали ощущение мрачной таинственности. И здесь было холодно, очень холодно. Гаррик пожалел, что расстегнул пальто.

– Мне не требуется сегодня никаких изысков, спасибо, – проговорил он. – Только свеча, чтобы добраться до постели, и немного горячей воды.

– У вас нет с собой багажа, ваша светлость? – Длинный нос Поинтера, так подходящий к его имени[2 - Pointer – указывающий, указатель (англ.)], неодобрительно дернулся.

– Он едет следом, – кратко ответил Гаррик. Ни одна карета не смогла бы угнаться за его чертовски быстрой ездой.

– А ваш камердинер?

– И Гейдж тоже.

Гаррик вынул одну свечу из подсвечника на стене. Он чувствовал себя ужасно усталым, после целого дня скачки все тело ныло от тупой боли. Пять дней назад он похоронил отца – теперь тот покоился в семейном склепе Фарнкорта, на западном побережье Ирландии. Нечего было и сомневаться, что старый дьявол пожелает быть похороненным на ирландских землях со всей возможной помпезностью и размахом и максимальным неудобством для родственников. При жизни покойный герцог никогда не привечал Фарнкорт, считая его ирландскую красоту грубой, а местных жителей – язычниками. Ничего удивительного, что на его похороны, кроме членов семьи, пришло всего несколько человек – и те, наверное, для того, чтобы самолично убедиться, что он действительно умер.

Теперь Гаррик стал герцогом Фарном, и у него нет сына, который мог бы унаследовать его титул.

И наверное, никогда не будет.

Первый брак стал для него трагедией. И Гаррику не хотелось повторять попытку.

Он остановился перед пологой лестницей, что вела на второй этаж. Деревянные ступени со сложным узором покрывал толстый слой грязи. Изящные изгибы кованых перил украшала густая белая паутина. Этот дом напоминал могилу. Как ему и подобало.

Отец Гаррика, восемнадцатый герцог Фарн, безумно злился, что умирает так рано, не успев удовлетворить свои амбиции. Он протестовал против своей смертельной болезни, тем самым, вероятно, приблизив свою кончину. И вот теперь Гаррик стал хозяином этого мавзолея и еще двадцати шести домов в десяти странах, не говоря уже о неприлично огромном состоянии. Значительно большем, чем вправе иметь один человек.

Гаррик пошел по бесконечному коридору, другой конец которого терялся во тьме. По привычке он толкнул шестую дверь по левой стороне, где располагались спальные покои. В тех редких случаях, когда он останавливался в Лондоне в доме отца, это всегда была его спальня. Меньше, чем хозяйская, но ничуть не более уютная. Дом Фарнов строили, чтобы устрашать и подавлять, а отнюдь не для того, чтобы говорить «добро пожаловать». В запутанных коридорах могла несколько дней плутать небольшая армия. Каминный очаг был пуст, а комната выглядела холодной и неприветливой, несмотря на странный запах дымка в воздухе, как будто здесь только что жгли свечи. На полу валялось издание «Мэнсфилд-парка». Гаррик рассеянно поднял книгу и положил на стол.

В дверь постучали: пришла горничная с горячей водой. Похоже, Поинтеру удалось призвать на помощь по крайней мере одну служанку. Девушка осторожно поставила кувшин на край стола и испуганно присела в реверансе. Ее широко распахнутые глаза скользнули по его лицу, когда он повернулся поблагодарить ее, и она тут же отвела взгляд. Вероятно, боялась, что он такой же, как и его отец. Молва о покойном герцоге наверняка дошла до каждого лондонского агентства по найму прислуги. Отец Гаррика считал, что насиловать служанок – это его привилегия, а не отвратительное преступление. Восемнадцатый герцог Фарн бил слуг и пинал собак и наоборот. При воспоминании об этом у Гаррика свело живот от отвращения.

Как только за служанкой закрылась дверь, он скинул сапоги и издал вздох облегчения. Его порадовало отсутствие камердинера. Гаррику нравились сапоги из тонкой кожи, но он не желал снимать их исключительно с применением грубой силы. То же самое касалось сюртука. Гаррик даже постиг искусство самостоятельно повязывать галстук, молодому герцогу всегда казалось в высшей степени непрактичным одеваться или раздеваться с посторонней помощью. Кроме того, он многие годы жил и путешествовал в таких местах, куда бы с ним не поехал даже самый верный слуга.

Горячая вода смыла дорожную грязь, и герцогу внезапно захотелось принять ванну, чтобы успокоить ноющее тело. Но время было уже позднее, и он не собирался снова беспокоить слуг. Завтра ему предстоит утомительное знакомство с делами отца. Это его обязанность. Быть герцогом – привилегия, во всяком случае, так внушали ему с самого раннего детства. Жаль, что позже он понял, какое это чудовищное бремя. Но все равно не уклонился от него. Он в полной мере понимал свой долг и обязанности, но сейчас хотел только спать.

Заметив на комоде графин с бренди, Гаррик решил, что нальет себе порцию. Он надеялся, что спиртное хоть немного его согреет. Но бренди сделало не только это, оно обожгло ему внутренности, напомнив, что он весь день ничего не ел. Не важно. Он снова наполнил бокал и выпил. И повторил процедуру еще раз. От усталости и крепкого алкоголя закружилась голова, но теперь он хотя бы сможет заснуть.

Гаррик думал, что простыни будут влажными, но, к его удивлению, прохладно-гладкая постель оказалась совершенно сухой. Со вздохом облегчения он скользнул под простыни и опустил голову на мягчайшую из подушек. И тут же ощутил сладкий, едва уловимый аромат летнего сада с нотками жимолости и колокольчиков. Он заполнил все его чувства и согрел душу, пробуждая желания, которые он отнюдь не приветствовал. Прикосновение шелковой простыни к голой груди внезапно показалась ему лаской любовницы. Гаррик испытал искушение, сладострастное, порочное, соблазнительное. Тело напряглось от возбуждения.

Он грезит. Его захватили фантазии.

Гаррик со стоном перевернулся на другой бок, желая обуздать свое непокорное тело. Разум должен возобладать над плотью. Это нетрудно. Он делал это уже тысячу раз. Но сейчас желание оказалось слишком сильным, оно накатило на него мощно и быстро и проникало внутрь, пока он не оказался беспомощен перед его чарами. Гаррик лег на спину и глубоко вздохнул, наполнив легкие цветочным ароматом. Не будь это так невероятно, он поклялся бы, что кто-то спит у него под кроватью, какой-то дух или призрак, оказывающий на него влияние своим присутствием.

Но это была только игра чувств. Он слишком устал и много выпил, и у него давно не было женщины, вот тело и бунтовало, напоминая, от чего он отказывается.

До брака он был повесой и после смерти жены на какое-то время вернулся к разгульной жизни. Он пытался растворить свое горе и чувство вины в распутстве. Но у него ничего не вышло. Теперь он жил как монах, и потому некоторые неприятные ощущения были неизбежны. Во всяком случае, он так себе говорил.

Общество распускало о нем сплетни. Много лет подряд. Ему было это известно. И он не обращал на них никакого внимания.

Гаррик Фарн – человек, который убил лучшего друга, спавшего с его женой.

С тех пор прошло двенадцать лет, но даже сейчас при воспоминании об этом у него замирало сердце и душу терзало знакомое бремя вины и горя. Так и должно быть. Епитимья не бывает легкой.

Он повернулся, чтобы задуть свечу, и на глаза ему снова попалась книга. Томик в темно-красной обложке с черными буквами. Под ней на тумбочке лежали небольшие очки. Гаррик поднял брови. Поинтер пользовался его спальней, чтобы почитать? Вряд ли. Вышколенный дворецкий не станет так бесцеремонно обращаться с герцогской спальней, да и вряд ли он одобряет чтение подобной беллетристики.

Гаррик взял книгу и открыл. На форзаце стояла дарственная надпись, инициалы в виде переплетенных М и Ф, а страницы источали все тот же едва уловимый цветочный аромат. Гаррик положил книгу на покрывало и рассеянно подумал, не стоит ли заглянуть под кровать или в шкаф в поисках близорукого взломщика, пахнущего колокольчиками. Но он так устал. Завтра… завтра он все здесь обыщет, а сейчас ему хотелось сбросить со своих плеч все обязанности герцога, забыть о мрачном наследии отца и провалиться в глубокий сон.

Он как раз собирался уснуть, когда дверь спальни вдруг неожиданно и без стука открылась. В проеме появилась красавица. Она вся – от элегантных темных локонов до розовых атласных туфелек – излучала ауру изысканности и неприкрытой сексуальности. Гаррик вытянулся в струнку.

– Гарриет? Что, черт возьми… – Он отчетливо ощущал, как сильно возбудился. Хорошо еще, что не успел снять брюки. – Что, черт возьми, ты здесь делаешь? – требовательно спросил он. Надо было запереть дверь, пришла запоздалая

мысль. Правда, это его дом, и он не ожидал, что кто-то придет его соблазнять.

Последний раз он виделся с Гарриет Найт на похоронах отца. Тогда она с головы до ног была закутана в черное. Сейчас же нарядилась в бледно-розовое воздушное одеяние, которое почти ничего не скрывало. А он-то думал, что опередил остальных родственников своим скорым возвращением в Лондон. Видимо, Гарриет – подопечная его покойного отца – поехала вслед за ним. И сейчас во плоти стояла перед ним во всей своей великолепной наготе: пеньюар спущен с белых округлых плеч и полной груди и нависает над пышными бедрами. У Гаррика закружилась голова. Он знал, что Гарриет распутница, но не думал, что она дойдет до такого бесстыдства.

– Гаррик, дорогой. – Его омыл ее хрипловатый, чувственный голос. – Я приехала, чтобы поприветствовать новоиспеченного герцога в его новом… качестве.

Гарриет давно хотела стать следующей герцогиней Фарн. Она никогда этого не скрывала. Просто раньше не прибегала к такой откровенной тактике.

Она сделала несколько шагов и остановилась у постели. Гаррик чуть не захлебнулся от мощной волны ее духов, заглушившей куда более мягкий и сладкий аромат колокольчиков. Он буквально упал на подушки.

– И Поинтер тебя впустил? – возмутился он. – В это время суток? И в таком виде?

Глупые вопросы. Обнаженная Гарриет сидит на краю постели совсем рядом, а он говорит об этикете? Он явно не в себе, пьян и расстроен. Грудь Гарриет коснулась его руки, и он вздрогнул. Теперь он уже ничего не понимал. Да, он очень устал, выбит из колеи и отчаянно хочет женщину, но не эту, а ту, что была лишь призраком, его сновидением. А ведь Гарриет более чем реальна, и у нее такая великолепная грудь…

Однако у нее есть огромное желание стать герцогиней, и он сейчас в большой опасности. Гаррик отодвинулся от нее. Гарриет чувственно потянулась.

– Где твоя компаньонка? – задыхаясь, поинтересовался он. – Не может быть, чтобы миссис Роуч одобрила…

– Я пошлю за ней, если ты хочешь втроем. – Узкие зеленые глаза Гарриет поблескивали, как у пумы. – Гаррик, дорогой, давай отпразднуем!

– Смерть моего отца едва ли повод для праздника, – возразил он. В голове у него мутилось. – Гарриет, не надо…

– Напротив. – Она закинула на него ногу, пригвождая к месту. Ее влажное горячее тело обжигало даже сквозь простыни. – Мы все очень счастливы, что он умер, – заявила она. – К чему притворяться? И теперь мы можем это отпраздновать – в узком кругу, только ты и я. – Она скользнула рукой под одеяло и нащупала его возбужденный член. – О, отлично, ты уже отметил начало.

Изгибаясь всем телом, она подползла к нему еще ближе, приникла поцелуем к его губам.

– Бренди, – промурлыкала она. – Восхитительно.

Однако она сама на вкус была несколько кисловата.

Гаррик испытал такое чувство, будто его душат диванной подушкой. Он протестующе застонал. Гарриет же явно расценила это как признак энтузиазма. Она ласкала его, страстно целовала и через одеяло сжимала бедрами. Еще мгновение, и она скользнет внутрь, взберется на Гаррика и затем…

Затем случится грандиозный скандал. Гарриет Найт станет герцогиней Фарн, а его жизнь снова будет разрушена.

Одну неверную жену еще можно считать неудачей. Но получить вторую такую же – это даже не безответственность. Он не хотел брать в жены особу свободных нравов. Он вообще не хотел жениться.

Внезапно у Гаррика прояснилось в голове, и он протрезвел. Может, его тело и желает Гарриет, но вот разум – определенно нет.

– Нет, Гарриет. – Он схватил ее за руку и не слишком изящно отпихнул от себя.

Гарриет дернулась и, вскрикнув, свалилась с кровати.

– Ты оказываешь мне слишком большую честь, – вежливо сказал Гаррик, вставая с кровати и поднимая с пола ее пеньюар. – Я понимаю, ты нуждаешься в утешении – только что умер твой опекун. Я не заслужил привилегии взять предлагаемую тобой девственность… Извини, но я не могу принять от тебя такую жертву. Ты сейчас в расстроенных чувствах.

Он грубо завернул Гарриет в прозрачный пеньюар и подтолкнул к двери.

– Я все расскажу миссис Роуч, – сердито заявила она. – Я все скажу твоей матушке. Я скажу, что ты меня соблазнил.

Гаррик покачал головой:

– Сомневаюсь, что у тебя получится, моя дорогая. – В его голосе зазвучала сталь.

Гарриет с минуту смотрела на него в упор, и он подумал, что же она видит в его глазах. Была ли это холодность мужчины, который давно забыл о нежных чувствах?

Ее лицо исказила злоба.

– Черт тебя подери, Фарн! – выругалась она.

Гаррик пожал плечами:

– Как пожелаешь.

Гарриет развернулась на каблуках и вышла, хлопнув дверью. В комнате наступила тишина.

И именно в этот момент Гаррик услышал, как кто-то чихнул.

Под большой кроватью с балдахином, прижавшись лицом к пыльным половицам, пряталась леди Меррин Феннер. Она оказалась там в ловушке около получаса назад. За свою короткую, но весьма разнообразную службу – а работала она на

Тома Брэдшоу – Меррин никогда еще не оказывалась в такой ситуации. Она никогда раньше не попадалась.

Пока герцог Фарн шел к своей спальне, Меррин читала. Она успела спрятаться всего за пару секунд до его прихода. И надеялась сбежать, когда он уснет. Но потом появилась та женщина. Меррин услышала ее обольстительный, с хрипотцой, голос, увидела, что на пол упал пеньюар, почувствовала, как прогнулась кровать, и поняла, что скоро много узнает о предмете, который ранее никогда не изучала.

Она перевернулась на живот, прижалась лицом к полу, зажмурилась, заткнула пальцами уши и стала молиться, чтобы энтузиазм Гаррика Фарна поскорее иссяк, чтобы любовники быстренько друг друга утомили и впали в удовлетворенное оцепенение. Отгородиться полностью от происходящего наверху она не могла, а от доносившихся звуков ей становилось беспокойно. Ее тело как будто распространяло жар. Это не только смущало Меррин, но и приводило в замешательство. Одежда вдруг показалась ей слишком узкой и тесной, и она испытала желание двигаться, изгибаться всем телом. И это было очень странно.

А потом она вздохнула и втянула носом паутину. И чем больше усилий Меррин прилагала, чтобы не чихнуть, тем сильнее щекотало у нее в носу, и в конце концов она громогласно чихнула.

О боже. Теперь ей точно не спастись. Такое услышали бы даже самые страстные любовники.

И действительно, через секунду кто-то нагнулся, схватил ее за руку и вытащил из-под кровати. После чего грубо поставил на ноги. Глаза у девушки слезились, в носу опять защекотало. Меррин выпрямилась во весь свой пятифутовый рост[3 - Около 152 сантиметров.].

И что ей сказать? Нет, Меррин, забудь про объяснения, сказала она себе. Подумай лучше, как сбежать?

– Этим вечером в моей спальне просто столпотворение, – протянул стоявший перед ней мужчина.

Гаррик Фарн, лучший друг ее брата Стивена. И его убийца…

Меррин содрогнулась. Прискорбно, но когда-то давно, еще девочкой-подростком, она была влюблена в Гаррика. Он казался ей богом, высшим существом из другого мира. В то время Меррин с сестрами жила скучной, предсказуемой жизнью. Училась она дома, и ее общение ограничивалась деревней Фенридж и живущими по соседству друзьями родителей. И еще был Стивен со своими приятелями – к коим относился и Гаррик, молодые люди учились в Оксфорде, проматывали в Лондоне родительские деньги и, по слухам, предавались любовным романам, вину и порокам. О, как же она упивалась теми скандалами. Тринадцатилетней девочке все это казалось захватывающим, ведь она никогда не путешествовала дальше собственной деревни.

Гаррик, разумеется, ее не замечал. С какой стати? У Меррин имелись красавицы-сестры, которые притягивали к себе все взгляды, все внимание, все комплименты. Кроме того, Гаррик еще с колыбели был помолвлен с Китти Скотт, дочерью политического соратника его отца; под вопросом была только дата, но не сама свадьба. Китти тоже была очень красива. Совсем неудивительно, что Стивен тоже в нее влюбился…

Меррин словно ударила молния, ее затрясло как в лихорадке. Гаррик Фарн. Его имя стало в ее семье олицетворением дьявола, убийцы, человека, который разрушил жизнь Меррин, жизнь ее отца и сестер. Пока Гаррик был за границей, можно было не думать о нем и сделать вид, что его не существует, если уж не удается забыть его навсегда. Забыть о событиях того давнего жаркого лета. Но чуть больше года назад – пятнадцать месяцев, если быть точной – он вернулся. И общество, вместо того чтобы осуждать за убийство, приняло его с распростертыми объятиями как героя; его снова восхваляли как самого красивого, богатого и родовитого аристократа из высшего света.

У Меррин создалось впечатление, что о ее брате уже никто не помнит. Про него все забыли, предав забвению. А у них самих ничего не осталось в память о Стивене, все ценные вещи, включая картины, ушли на погашение долгов отца, открывшихся после его смерти. Род Феннеров вымирает, семейные владения потеряны, а Гаррик Фарн – богат, известен и, что самое главное, живет и здравствует. Его возвращение в Англию что-то воспламенило в душе Меррин, пробудило невыносимые воспоминания о том времени, когда погиб Стивен. Прошлое вдруг предстало совсем реальным, а боль и чувства приобрели остроту, словно все случилось совсем недавно.

Меррин вытерла слезящиеся глаза и оглянулась в поисках любовницы Гаррика, женщины с хрипловатым голосом, богатым воображением и сшибающим с ног парфюмом. Но, похоже, они были одни.

– О! – невольно воскликнула Меррин. – Она ушла!

Гаррик поднял черную бровь:

– Разве вы не слышали, как я ее вытолкал?

– Я заткнула уши, – ответила Меррин. – Я не желала ничего слушать, вот уж спасибо. Мне хватило подпрыгивающей кровати, которая грозила меня раздавить.

– Я сожалею, – вежливо ответил Гаррик. – Знай я, что вы там, выгнал бы ее значительно быстрее. – Он внимательно осмотрел девушку, задержавшись взглядом на паутине на нее лице.

– У вас под кроватью очень грязно, – оправдываясь, сказала Меррин.

Гаррик с иронией отвесил поклон:

– И снова прошу прощения. Гарантирую, что в следующий раз, когда вам придет в голову воспользоваться моей спальней как убежищем, в ней будет совершенно чисто.

– Буду вам очень признательна, – парировала Меррин.

«Зачем мы об этом говорим, – подумала она. – Это совершенно неуместно». Она совсем не так представляла себе разговор с Фарном.

Меррин посмотрела на него. На самом деле она вообще не представляла себе, как будет с ним разговаривать. Во всяком случае, в ситуации, когда она чувствовала себя настолько растерянной. Меррин рассчитывала, что Гаррик останется в Ирландии еще как минимум на неделю. Он ведь считаные дни назад похоронил отца. И она совершенно разумно предположила, что дом первое

время будет пустовать.

Гаррик стоял у нее на пути, перегораживая заветную дверь в коридор. Он показался ей ужасно огромным. Отчасти из-за ее собственного небольшого роста. Но кроме того, действительно был очень высокого роста, выше шести футов, и очень мощного телосложения – она отчетливо это видела, поскольку он стоял перед ней полуодетым. Широкая обнаженная грудь, брюки плотно охватывают мускулистые бедра. «Слава богу, на нем брюки», – подумала Меррин.

Осознав это, Меррин вздохнула с облегчением. От волнения у нее закружилась голова. После разыгравшейся сцены с его любовницей она думала, что он будет полностью обнаженным…

– С вами все в порядке?

Его голос разрушил представившуюся ей картину с обнаженным Гарриком Фарном. Меррин распахнула глаза и встретилась с его ироничным взглядом.

– Да, все хорошо, благодарю вас, – ответила она.

Темные глаза и прямые черные брови. Высокие скулы и решительный подбородок. Суровое лицо, подумала Меррин. Холодное и отстраненное. Однако тело его казалось золотистым – гладкая загорелая кожа, взъерошенные темно-рыжие волосы на голове и интригующая поросль жестких ярко-рыжих волосков на груди, спускавшаяся к животу. Меррин осознала, что неприлично уставилась на Гаррика Фарна. Она никогда в жизни не видела раздетого мужчину. Ей так сильно захотелось его коснуться, что она протянула руку, не успев осознать, что делает. Девушка вспыхнула и понадеялась, что ее смущение не будет заметно. И в тот же миг вспомнила, что ненавидит Фарна.

Она вздрогнула.

– Итак, я жду, что вы объясните мне свое присутствие.

От резкого тона Меррин дернулась, как от удара плетью. Надо быстрее выбираться отсюда, решила она. Не объяснять же ей, что она обыскивала его

дом. Вряд ли можно сказать: «Три недели назад я узнала, что вы солгали об обстоятельствах смерти моего брата. Мало того что вы убили его – и я возненавидела вас за это, – теперь мне известно, что вы еще и скрыли правду, и я хочу, чтобы свершилось правосудие. Я хочу, чтобы вы оказались на виселице…»

Нет уж. Гаррик Фарн не должен ничего заподозрить.

– Умоляю, простите, – произнесла она. – Я не поняла, что вы ждете моих объяснений.

Губы Гаррика сложились в соблазнительную улыбку. По телу Меррин пробежала дрожь. «Это отвращение, – подумала она. – Вот как он на меня действует. Я чувствую ненависть. И отвращение…»

– Мадам, любой разумный человек потребовал бы у вас объяснений. – Гаррик помолчал. – Или мне следует называть вас юная леди? Вы не кажетесь мне такой уж взрослой… – И прежде чем она сумела отстраниться, он поднял руку и осторожно снял с ее щеки паутину.

Меррин снова задрожала и попятилась.

– Мне двадцать пять лет, – с достоинством ответила она и подумала: «Зачем я сообщаю ему об этом? Зачем вообще с ним разговариваю?» – Я не юная леди.

Улыбка его стала еще ярче. Она тревожила душу и вызывала телесный жар, тот самый жар, который ей хотелось приписать ненависти.

«Сосредоточься, Меррин. Ты должна выбраться отсюда», – приказала себе девушка.

– Наверное, вам показалось странным то, что вы обнаружили меня в своей спальне, – торопливо заговорила она.

– Верно. – Гаррик не сводил глаз с ее лица. – Буду счастлив услышать от вас, как именно вы здесь оказались.

– Ну, я… – Как назло, на ум не приходило ничего подходящего. Меррин вообще не умела выкручиваться. В этом, как правило, не было нужды. Никто ничего не замечал, поскольку она изо всех сил старалась казаться маленькой, некрасивой, невзрачной. На нее просто не обращали внимания. – Я думала, дом пустует, – наконец заговорила она. – Мне нужно было место для ночлега.

Отчасти это была правда. Меррин провела несколько ночей в доме Фарна, пока неторопливо обыскивала помещения. Она искала что-то, способное пролить свет на обстоятельства смерти ее брата. В первый раз это получилось случайно. Девушка очень устала и заснула в кресле в библиотеке. Проснувшись через несколько часов, она, к своему удивлению и восторгу, поняла, что ее никто не заметил. Она знала, что в доме почти нет слуг, только самые необходимые, и ее никто не потревожил. Никто даже не заметил ее присутствия. Дом был огромным и уже много месяцев стоял пустым. С тех самых пор, как покойный герцог отправился доживать последние дни в Ирландию. Вот Меррин и пришла в голову идея пожить здесь, пока она охотится за компроматом на Гаррика Фарна. Странным образом, эти ночевки словно приближали ее к нему. Они питали ее ненависть и укрепляли решимость отыскать правду.

Фарн грозно нахмурился.

– Вас привела сюда бедность? – спросил он. – Вы бездомная?

– Да. – Меррин решила, что эта версия кажется правдоподобной. В Лондоне было полно полуразрушенных и заброшенных зданий. Все, кто не имел крыши над головой, знали, что можно найти приют в «Флит-маркете» или в заброшенном работном доме на Дет-стрит. Но среди нищих были и смельчаки, которые залезали переночевать в дома аристократов. Многие дома почти не использовались и подолгу стояли закрытыми, пока хозяев не было в городе.

Но Гаррика, похоже, это объяснение не убедило. Он приблизился поближе и положил руку Меррин на плечо. Она вздрогнула, но его интересовало только ее платье.

Он потрогал тонкий шерстяной материал. К несчастью, пыль не могла скрыть его отличного качества.

– Хорошая уловка, – произнес Гаррик с мрачным удивлением. – Однако ваша одежда слишком хороша для тех, кому не повезло с финансами.

– Я украла ее. – Начав лгать, Меррин обнаружила, что у нее гораздо больше воображения, чем она раньше думала. – Она сохла на улице.

Фарн задумчиво кивнул:

– Вы отличная лгунья.

Проклятье. Он ни на секунду ей не поверил. Но, по крайней мере, перестал преграждать путь к дверям.

– Кто вы? – поинтересовался Фарн. – Зачем вы пришли?

– Я не могу ответить, – на сей раз честно призналась Меррин.

– Вы имеете в виду, что не хотите сказать правду. – Гаррик склонил голову к плечу, продолжая проницательно разглядывать девушку. Меррин ощутила легкое головокружение. Разоблачение приближалось.

Сосредоточься. До двери всего три шага…

– Верно, – согласилась она. – Я вообще не хочу с вами разговаривать.

– Однако вы не в том положении, чтобы отказаться.

– Это спорный вопрос.

Фарн засмеялся:

– Хотите поспорить?

– Нет, – ответила Меррин. – Я хочу уйти.

Фарн покачал головой:

– Я могу сдать вас за взлом на Боу-стрит.

– В этом случае вы уже никогда не получите от меня объяснения.

– Это верно. – Фарн пожал широкими плечами. – Тогда мне не остается ничего другого, кроме как удерживать вас здесь, пока вы не скажете правду.

Меррин огляделась. Он хочет держать ее пленницей в своей спальне? Огромная кровать, такая широкая, такая манящая. Она вспомнила гладкую прохладу простыней и податливую мягкость матраца. На миг ей представилось, как обнаженный Гаррик укладывает ее в эти мягкие шелковые объятия, прикасается к ее обнаженной коже, ласкает… Она перевела взгляд с постели на Гаррика. Он поднял брови, и Меррин залилась краской. Ей показалось, что пылают не только щеки, но и все ее тело.

– Вы могли бы скоротать время за своей книгой, – мягко произнес он и протянул ей «Мэнсфилд-парк».

– Спасибо.

Девушка взяла книгу, но Гаррик не отдал ее. Меррин дернула за нее, но, поскольку он держал ее крепко, сама подлетела к нему. Их пальцы, сжимавшие обложку, почти соприкасались – ее тонкие и белые, его сильные и загорелые. Она вспомнила, как он касался ее щеки, и закрыла глаза, почувствовав пробежавший по телу озноб.

Гаррик сделал шаг, и они оказались совсем близко, почти вплотную друг к другу. Гаррик нахмурил брови, его глаза полыхнули из-под черных бровей. Он наклонился к ней и осторожно принюхался, словно к цветку.

– Колокольчики, – пробормотал он. Потом покачал головой, еще раз втянул носом воздух и недоверчиво посмотрел на нее. Его глаза сузились и потемнели. – Вы спали на моей кровати? – требовательно спросил он.

– Я… – У Меррин пересохло во рту, в голове образовалась совершенная пустота. – Да, у меня… – Она облизнула губы и почувствовала привкус пыли.

Фарн опустил взгляд к ее губам и застыл. Его глаза потемнели.

– Какая необычайная близость, – пробормотал он.

Меррин никогда не целовали, но где-то в глубине души она знала, что в следующее мгновение Гаррик Фарн ее поцелует. Она видела в его глазах неудержимый огонь и не могла отвести взгляда. Сердце ее билось как молот.

Гаррик преодолел оставшееся расстояние и коснулся губами ее губ. Мягко-мягко, почти невесомо, но очень нежно, пробуждая в ней неистовый жар. У нее закружилась голова. Она вдохнула его мужской запах и едва устояла на ногах. У нее тряслись коленки, все тело горело от ощущений, которых раньше она никогда не испытывала. Меррин тихо ахнула.

Гаррик ошеломленно отпрянул, а Меррин воспользовалась моментом. Она выхватила у него «Мэнсфилд-парк» и стукнула книгой по голове. Переплет треснул, страницы полетели во все стороны. На мгновение Гаррик потерял ориентацию, а Меррин только этого и ждала. Она ринулась к двери и в мгновение ока оказалась в коридоре. Увидев торчащий снаружи в замке ключ, повернула его.

А затем со всех ног кинулась прочь.

Глава 2

– Поинтер, – произнес Гаррик следующим утром. Он сидел за письменным столом отца. – Как ты думаешь, в этот дом можно вломиться? Насколько он уязвим для грабителей?

– В чем дело, ваша светлость? – В голосе дворецкого послышалось легкое беспокойство.

– Вчера вечером я обнаружил в своей спальне одну странную особу, – пояснил Гаррик.

– Леди Гарриет… – начал было дворецкий.

– Ах да, – вспомнил про нее Гаррик. Он отослал Гарриет вместе с ее компаньонкой к своей матушке в загородное поместье. Учитывая, что вдовствующая герцогиня в ближайшее время будет пребывать в глубоком трауре, это показалось ему достаточным наказанием для столь неразборчивой распутницы, как леди Гарриет. – Поинтер, умоляю, больше не подпускай ко мне леди Гарриет, – предупредил он. – Ни при каких обстоятельствах.

– Конечно, ваша светлость. – Дворецкий выглядел расстроенным. – Я пытался остановить леди, но она была подопечной вашего покойного отца и настаивала на своем.

– Да, это точно, – отозвался Гаррик. – Леди Гарриет может быть очень настойчивой. Но я говорю о другой женщине…

Он остановился. Что он мог сказать?

«Я нашел у себя под кроватью женщину. Маленькую, синеглазую, ее глаза сияют как сапфиры, а волосы цвета белого золота, гладкие как шелк. От нее пахло колокольчиками. Я поцеловал ее, ощутив запах пыли и невинность, и возжелал, как никогда в своей жизни…»

Нет, он решительно не мог высказать Поинтеру свои истинные мысли. Подобным фантазиям нет места в жизни герцога, скованного по рукам и ногам обязанностями. Однако Гаррик невольно вздрогнул, вспомнив, как прикасался к губам девушки и как она тихонько ахнула при поцелуе. Как он внезапно осознал, что ему хочется схватить ее в объятия, уложить на постель и наслаждаться ее телом. Ему хотелось снова попробовать на вкус ее соблазнительный ротик и зацеловать до бесчувствия. Гаррик почувствовал, что снова возбуждается при одной мысли об этом…

Дьявол!

Поинтер откашлялся, и Гаррик вздрогнул.

– Ваша светлость…

– Да, Поинтер?

– Возможно, это была одна из служанок, ваша светлость, – с лукавым видом предположил дворецкий. – Я передам экономке, чтобы она приказала им больше вас не тревожить.

– Буду очень признателен, – кивнул Гаррик.

Он знал, что его «гостья» – не служанка. Она говорила с внутренней уверенностью, присущей леди, что бы она там ни сочиняла про уличную бродяжку. Сегодня утром он нашел в спальне еще одно свидетельство ее присутствия. Обугленные остатки письма на решетке камина. И еще леденец на палочке на комоде. А на полке платяного шкафа он обнаружил аккуратно свернутое женское белье. Это заставило его задуматься, сколько же времени она так бесцеремонно жила в его доме и спала на его кровати.

Поинтер выжидающе смотрел на него. Гаррик вздохнул.

– Возвращаюсь к первоначальному вопросу. Этот дом безопасен?

– Я проверю, ваша светлость. – Поинтер упрямо отрицал предположение, что он мог не позаботиться о его безопасности. – Если это все, то я, с вашего позволения, пойду, ваша светлость…

Гаррик понимал, что дворецкий смертельно оскорбился. За сегодняшнее утро они уже успели поспорить. Сразу после завтрака Поинтер предложил ему сходить в агентство и нанять больше слуг, чтобы заново открыть дом. Когда Гаррик ответил, что не собирается использовать этот дом как свой лондонский, Поинтер буквально взорвался от возмущения.

– Но, ваша светлость… – Дворецкий забылся настолько, что стал перечить. – Дом Фарнов это… венец вашего титула! Перо на вашей шляпе, символ вашего положения…

– Дом Фарнов уродлив и стар, в нем гуляют сквозняки, и его дорого содержать, – отрезал Гаррик. – Меня он не интересует. Я не собираюсь развлекаться, и у меня нет жены, которой потребовалось бы светское общество. Я вернусь в свой дом

на Чарльз-стрит, как только приведу в порядок дела отца.

– Чарльз-стрит! – Если судить по интонации Поинтера, Гаррик собирался жить в борделе. – Возможно, он подходил вам, когда вы были маркизом Нортексом, ваша светлость, но теперь вы – герцог. У вас титул, которому нужно соответствовать. Ваш отец… – Дворецкий умолк, поскольку Гаррик пригвоздил его к месту тяжелым взглядом.

– Я – не мой отец, Поинтер, – напомнил он.

Поинтер удалился, всем своим видом показывая, как он возмущен.

Когда дверь за ним закрылась, Гаррик вернулся к бумагам отца. Он методично разбирал их, отмечая, что надо сделать и с кем необходимо связаться. Как бы неприязненно он ни относился к отцу – скорее, стоило бы сказать, как бы он его ни ненавидел, – он не мог не отметить, что бумаги покойного герцога были в полном порядке, доход от поместий поступал своевременно. Все работало, как хорошо смазанная машина – благодаря алчности герцога, который цепко держал каждое пенни, которое ему только удавалось урвать.

Часы на камине пробили полдень. Гаррик внезапно почувствовал беспокойство. Он встал и подошел к давно не мытому окну с запыленными портьерами. Его мать могла бы отлично управиться с этим домом, но она не приезжала в Лондон уже много лет. Устав от печально известных похождений его отца, она удалилась в Сассекс и жила там, как вдова при живом муже. Гаррик рассеянно подумал, как-то она отнесется к появлению сумасбродной Гарриет у себя на пороге. Наверняка придет в ужас и упадет в обморок. Это ее обычная реакция на любые возникающие проблемы.

Был ясный и погожий типичный ноябрьский полдень, с косыми солнечными лучами и быстрыми белыми облаками. Гаррик чувствовал себя как в ловушке в этом заросшем паутиной мавзолее. Ему хотелось вскочить на коня и пуститься вскачь, но не в парке, а где-нибудь в диком и пустынном месте, где можно было отбросить всякую сдержанность. Он много лет жил за границей и полюбил огромные пустоши и горячее синее небо Португалии и Испании. И хотя он вернулся в Лондон уже больше года назад, город все равно казался ему тесным, холодным и странно угнетающим.

Обязательства звали его обратно к пыльным бумагам. Теперь он герцог Фарн, как бы ему ни претила роль хранителя фамильного наследия, он не мог уклониться от выполнения своих обязанностей. Это вбили в его сознание еще в детстве. Гаррик вернулся к столу. У себя дома на Чарльз-стрит его тоже ждала работа, и немалая – научное исследование, касавшееся астрономии прошлого столетия, и документы, которые надлежало перевести для Военного министерства. Живя за границей, он работал на ведомство графа Батерста, государственного секретаря по военным делам и колониям. Кроме того, он работал и на правительство, полуофициально занимаясь другими, особыми делами. Это было одной из причин, почему отец так ополчился на него, своего наследника. Служа родине, Гаррик постоянно искал смерти, но не находил ее. А что ему оставалось делать? Уже много лет на нем лежало бремя вины – он отнял чужую жизнь – жизнь Стивена Феннера. Он пытался отдать за это свою, но Господь, похоже, не принимал его жертву.

Гаррик поднял было ручку. И снова положил на стол. Он осознал, что ему хочется узнать имя вчерашней незнакомки. Той самой, что проникла в его дом. Его полночной гостьи с живыми васильковыми глазами и фарфорово-белой кожей, которая сбежала от него, как Золушка в сказке.

Гаррик медленно подошел к дубовым шкафам, что тянулись вдоль двух стен кабинета. Остановился рядом и испытал странное ощущение. Кто-то осматривал эти полки, и совсем недавно. В пыли остались следы, словно кто-то осторожно вытаскивал книги и возвращал их обратно.

Гаррик вернулся к столу. Интересно, она и бумаги просматривала? Что же она искала? – подумал он.

Раздраженно покачав головой, Гаррик вновь принялся за работу. Он взял следующую пачку бумаг и развязал красную ленту.

Законное право собственности на поместье Феннеров в графстве Дорсет…

Гаррик ощутил озноб. По позвоночнику прокатилась ледяная струя воспоминаний. Он понятия не имел, что отец купил поместье Феннеров. Гаррик сорвал ленту и стал перебирать бумаги. Отец, похоже, приобрел не только дом Феннеров, но и их земли, и права на добычу угля. Он скупал их все последние десять лет, когда поместье пришло в упадок после смерти последнего графа.

Угольные шахты оказались прибыльными; они давали доход почти в сто тысяч фунтов.

Холод поселился у него в душе всерьез и надолго. Его отец нажился на смерти Стивена Феннера и последующем упадке графства. Пока он пытался искупить смерть молодого Феннера, его отец использовал ее, чтобы заработать. Как же была типична для него подобная мерзкая алчность. Гаррика затошнило от отвращения. Невыносимо наследовать состояние, полученное через насилие и кровь, особенно если он сам ее пролил. В приливе внезапной ярости он отбросил бумаги, и они разлетелись по полу.

Гаррик плюхнулся в кресло и попытался собраться с мыслями. Он вращался в английском высшем обществе уже пятнадцать месяцев и знал, что старшая из дочерей графа Феннера, знаменитая своими приемами Джоанна, вышла замуж за не менее знаменитого исследователя Арктики Алекса Гранта. Средняя дочь, Тереза Дарент, была печально известной вдовой, схоронившей уже четырех мужей. Гаррик никогда не сталкивался ни с леди Грант, ни с леди Дарент, что было вполне естественно; они вряд ли стали бы приглашать на свои балы и рауты человека, который убил на дуэли их брата. Светское общество порой проявляло необычайную гибкость, но все-таки не настолько. Он вспомнил, что была и младшая дочь, но о ней он почти ничего не знал. Она оставалась незамужней, имела репутацию синего чулка и жила почти затворницей, если верить слухам.

Гаррик снова потянулся за ручкой и начал писать. Закончив письмо, он запечатал его и надписал адрес. Потом собрал в стопку бумаги, касающиеся состояния Феннеров, но, с минуту помедлив, позволил им снова высыпаться на письменный стол.

Стивен Феннер, его лучший друг в Итоне и Оксфорде. Он отлично умел править фаэтоном, был игроком и повесой. Красота и шарм служили ему пропуском в нескончаемую череду спален и будуаров. Иметь другом Стивена значило влиться в бесшабашную толпу непрестанно развлекающейся молодежи. Гаррика притягивала эта великосветская мишура. Перед ним открывалась жизнь, совсем непохожая на ту, к которой его все детство и юность готовили. Но потом Стивен выбрал объектом своего нового завоевания молодую жену Гаррика, и дружба обратилась в предательство и позор…

* * *

В дверь постучали. Гаррик предположил, что это Поинтер. Должно быть, он уже успокоился и вернулся к своим обязанностям.

– Я обнаружил разбитое окно в восточном крыле, – сказал дворецкий, неодобрительно глядя на разбросанные по столу бумаги. – Вероятно, в дом могли проникнуть через него.

– Значит, она влезла через окно, – проговорил Гаррик. – Я понял. Спасибо, Поинтер.

– Я прослежу, чтобы дом был в полной безопасности, ваша светлость, – торжественно закончил дворецкий. – Вам больше не нужно ни о чем беспокоиться.

– Я вверяю его в твои руки, Поинтер, – сказал Гаррик и протянул дворецкому запечатанный конверт. – Будь так любезен, проследи, чтобы его доставили в адвокатскую контору «Черчвард и Черчвард» в Холбурне.

– Конечно, ваша светлость, – Поинтер склонился в изящном поклоне и протянул Гаррику серебряный поднос, чтобы тот мог положить послание.

– А затем, – продолжил Гаррик, – я хочу, чтобы ты нашел для меня частного детектива.

Поинтер дернул носом от такого шокирующего предложения.

– Частного детектива, ваша светлость? – повторил он, словно просьба Гаррика была так возмутительна, что он даже не знает, как на нее ответить. – Ваш уважаемый отец, – наконец выговорил дворецкий, – никогда бы не стал искать подобного человека, ваша светлость.

– Я знаю, – усмехнулся Гаррик. – Боюсь, тебе придется привыкнуть к некоторым изменениям, Поинтер. Буду тебе очень признателен, если ты ускоришь поиски, – добавил он. – Мне необходимо срочно найти одного человека.

И когда он найдет свою полуночную любительницу книг, он точно выяснит, что ее с ним связывает. И на сей раз уже не позволит ей сбежать.

– Спасибо за то, что обратились ко мне, лорд Селфридж. Я был счастлив предоставить вам всю необходимую информацию.

Меррин пристроилась в темном уголке приемной, пока ее партнер Том Брэдшоу провожал пэра королевства до лестницы. Селфридж едва ли заметил ее присутствие и уж точно не узнал. Меррин очень бы удивилась, если бы было по-другому. В своей каждодневной жизни, будучи синим чулком и сестрой блистательной леди Грант, Меррин была почти невидимкой. Она редко посещала балы и приемы, обожаемые ее сестрами, а когда все же на них присутствовала, то почти не танцевала. Молодые люди, рискнувшие вовлечь ее в разговор, потом, как правило, об этом сожалели, поскольку она интересовалась исключительно научными темами и не желала вести светскую беседу. Девушка вызывала у мужчин порой страх, порой скуку, а порой и то и другое вместе. Знатные дамы за глаза звали ее «простушкой высшего общества» и сетовали на отсутствие у нее светского лоска и прискорбную увлеченность науками.

Такое незаметное существование облегчало ей жизнь. Она занималась именно тем, чем хотела, – изучала академические науки и одновременно работала на Тома. Узнай сестры, что она работает ради денег, они бы точно упали в обморок. А узнай они, что она занимается сыском, даже самая сильная нюхательная соль не смогла бы привести их в чувство. И если б они еще узнали, что иногда она не ночует дома и придумывает себе фальшивых друзей для прикрытия… Но они никогда этого не узнают, подумала Меррин. Они ее не заподозрят, такое им даже в голову не придет.

Хотя… хотя вчера ночью она совершила ошибку. И такую, которая могла привести к раскрытию ее «тайной жизни», как она с удовольствием ее называла. Меррин совершила непростительный грех – она попалась. И не кому-нибудь, а прямо в лапы Гаррику Фарну. Если где и надо было принимать все меры предосторожности, так это собирая сведения о человеке, который убил ее брата и разрушил семью. Но теперь уже слишком поздно. Фарн видел ее. Фарн ее целовал. По позвоночнику девушки прокатилась волна беспокойства и еще чего-то глубинно-тревожащего.

– Зайдешь, или здесь поговорим?

Том придерживал дверь; голова его вопросительно наклонена к плечу, глаза блестят, на губах играет улыбка. Он был наглым типом, но Меррин это как раз в нем и нравилось. Сын стивидора[4 - Стивидор – начальник над портовыми грузчиками, руководит подчиненными и всей погрузкой.], работавшего на Темзе, он и сейчас держал свою контору на самом берегу. Один из самых успешных частных детективов в Лондоне, он мог найти кого угодно – от пропавших наследников до слуг, прихвативших столовое серебро. Она работала с ним бок о бок последние пару лет.

Меррин поднялась и проследовала за Томом в контору. Там стоял стул, но она по опыту знала, какой он неудобный, и осталась стоять. Том присел на край своего стола.

– Ну, так как? Нашла что-нибудь касающееся этой дуэли? – поинтересовался он. – Может, свидетельство, что от слуг откупались? Какое-нибудь скрытое доказательство? Или вообще хоть что-то подозрительное?

– У меня все в порядке, Том. Спасибо, что спросил, – едко парировала Меррин. – А как у тебя дела?

Том осклабился, блеснули ослепительно-белые зубы.

– Ты ведь знаешь, что у меня плохие манеры.

– Это очевидно, – сказала Меррин и посмотрела на него.

Тома Брэдшоу никогда не примут за аристократа. Хорошо сшитый костюм не скроет внутренней грубости. Он такой, какой есть, – сын рабочего, который «сам себя сделал».

– Нет, – ответила она на заданный ранее вопрос и отвернулась. – Я ничего не нашла.

Три недели назад Том пришел к ней с информацией, которая, по его мнению, могла ее заинтересовать. Когда Меррин ознакомилась с ней, ее охватили ужас и

гнев. Это была крошечная заметка в никому не известной газете Дорсета. Том сказал, что случайно обнаружил ее, когда занимался другим делом. Газета была двенадцатилетней давности, и в ней, между заметками о краже свиней и карманниками на деревенской ярмарке, была втиснута статейка о расследовании смерти Стивена Феннера.

Меррин знала ее наизусть. Вряд ли она когда-нибудь об этом забудет.

«Коронер, расследующий смерть виконта Феннера, передает, что в теле жертвы обнаружены две пули: одна в плече, другая в спине… – И чуть ниже: – Дэниел Скроп, егерь поместья Старкросс, заявляет, что слышал перебранку, за которой последовали три выстрела…»

Меррин передернуло, она вспомнила, как при первом прочтении ее буквально пригвоздило к месту, а глаза впились в крошечную информацию, противоречившую всем официальным сообщениям. Прежде чем сбежать из страны и тем самым уклониться от расследования, Гаррик Фарн составил подробное описание дуэли. Якобы все произошло из-за того, что его лучший друг Стивен Феннер пытался сбежать с его молодой женой Китти. Фарн клялся, что всего было два выстрела и что он сам осматривал пистолеты: и тот, что принадлежал промахнувшемуся Стивену, и свой, из которого он произвел смертельный выстрел. Доктор и двое секундантов подтвердили его заявление. Секундант Фарна даже утверждал, что Феннер выстрелил раньше, чем последовал сигнал, и тем самым очернил имя Стивена.

До суда дело так и не дошло, а общественное мнение отнеслось к Фарну очень сочувственно. Они с Китти были женаты всего месяц. А Стивен обманул своего лучшего друга, соблазнил его жену и пытался сбежать с ней. Да еще и выстрелил до того, как была дана отмашка. По всеобщему мнению, поступок Гаррика Фарна был прискорбен, но вполне объясним и оправдан.

Для Меррин это само по себе было ужасно, непростительно, мерзко, но, узнав, что было три пули и две из них находились в теле Стивена, она преисполнилась гнева. Гаррик Фарн солгал. Это была не дуэль, а казнь, и его должны повесить за убийство. Раньше она ненавидела Гаррика. Ненавидела за сотворенное им зло, за то, что он принес в ее семью несчастье и горе. Но теперь ее гнев переродился. Если Фарн похоронил правду, она ее раскопает. Она покажет миру, что Гаррик лгун и преступник, она лишит его почестей и уважения. Она отыщет доказательство, что он не заслуживает права на жизнь.

Меррин, как безумная, искала что-то подобное той статье – истинный отчет о расследовании, улики против Гаррика Фарна, содержащиеся во врачебном заключении, показания секундантов, которые предположительно присутствовали при этой якобы дуэли. Но она потерпела неудачу. Бумаги исчезли. Свидетели как в воду канули. Меррин испытывала разочарование, но понимала, что у Фарнов достаточно денег и власти, чтобы заплатить всем и не допустить скандала. Однако она не может сдаться. Если есть хоть малейший шанс доказать, что Гаррик Фарн хладнокровно убил ее брата, она отыщет его. Она желала, чтобы он потерял все, что выгадал на своей лжи. Ведь она потеряла все, когда он убил Стивена. Меррин хотела, чтобы Гаррик понял, каково это – оказаться на ее месте.

– Ты ничего не нашла, – повторил Том. Он выразил такое неудовольствие, что Меррин даже пришло в голову, нет ли у него тайного клиента в этом деле. Маловероятно, но не невозможно. – Ты везде искала? – надавил он.

Меррин нахмурилась:

– Конечно везде. Я профессионал. Я смотрела в кабинете, в библиотеке, в спальнях…

– В спальнях?

– Я подумала, что бумаги могли спрятать среди книг.

Том насмешливо посмотрел на нее.

– Я повторяю: «в спальнях»?

– Люди же читают в постели, – слегка ощетинилась Меррин.

– Правда? – удивился Том. – Я – никогда. У меня есть дела поинтересней, чем валяться в постели с книжкой.

Меррин закатила глаза:

– Ты не одинок. У Гаррика Фарна тоже есть такие дела.

Том поднял бровь:

– Что?

– Я лежала у герцога под кроватью, когда ему нанесли визит, – пояснила Меррин. – Чувственная и нетерпеливая леди по имени Гарриет.

Том вытянул губы в трубочку и тихо присвистнул.

– Гарриет Найт, подопечная его покойного отца?

– Понятия не имею, – отозвалась Меррин. Внутри у нее шевельнулось неприятное чувство, похожее на… ревность. – Им не было нужды называть друг друга полным именем, – едко добавила она.

– Бедняжка, – сказал Том. – Нет ничего хуже вуайеризма.

– Я запомню, как ты это называешь, – пообещала Меррин. – Но, к счастью, он выгнал ее до того, как они меня совсем смутили.

Том засмеялся.

– Фарн выкинул нетерпеливую соблазнительницу из своей спальни? – удивился он. – Значит, он действительно изменился. Полагаю, ты выбралась, когда он заснул?

– Нет, – ответила Меррин и замолчала.

Вряд ли стоило рассказывать Тому о своей «встрече» с Гарриком. Он будет в ярости, если узнает, что она поставила под угрозу не только свою безопасность, но и его агентство. Если Гаррик каким-то образом узнает, кто она, и начнет задавать вопросы, он выяснит, что она работает на Тома, а такой могущественный враг может быть очень опасен. К тому же она не была уверена, что хочет вспоминать их разговор. Ту неожиданную близость с Гарриком, удовольствие от перепалки с ним, внезапно нахлынувшую сладость, когда он

бесконечно нежно коснулся ее губами… Она не ожидала, что испытает все эти чувства. Ни одно из них. Она не должна была их испытать.

Внимательно наблюдавший за ней Том сразу заметил, что она колеблется.

– Ну?..

– К несчастью, я чихнула, – призналась Меррин, – и он вытащил меня из-под кровати.

Том отреагировал точно так, как она и предполагала. После секундного молчания он взорвался:

– Черт подери, Меррин!..

– Я знаю, – торопливо прервала она его. – Но я не сообщила ему, кто я и чем занимаюсь. Тебе не стоит волноваться. Он не знает, что я работаю на тебя. Никто не знает.

Том стиснул кулаки.

– Меррин, – процедил он, – твоя работа, как предполагается, тайная. Обрати внимание на последнее слово.

– Конечно, – быстро заверила его Меррин. – Мне очень жаль, правда…

Том с видимым усилием взял себя в руки и потер лоб.

– Я предупреждал, что туда идти опасно, – напомнил он. – Я просил тебя быть осторожной.

– Я и была осторожной, – защищаясь, сказала Меррин. – Мне просто не повезло.

Том вздохнул:

– Ну, судя по тому, что тебя не приволокли на Боу-стрит, тебе удалось уйти от Фарна, – немного смягчившись, произнес он. И даже выдавил слабую улыбку. – Ты пнула его по яйцам и смылась?

– Что-то вроде этого, – сказала Меррин. Она подумала, что общаясь с Брэдшоу, трудновато сохранить невинность. По меньшей мере, ее словарный запас значительно расширился.

Меррин сама не понимала, как им с Томом удалось так сблизиться. Они были как брат и сестра. Впервые она с ним встретилась около трех лет назад. Он влез в дом, где она в то время жила. Меррин застала его за обыском хозяйского кабинета и, сняв со стены средневековой палаш, не выпускала его, пока он не открыл ей, что его незаконное вторжение имеет целью вернуть правительству кое-какие военные документы очень деликатного свойства. Она очень заинтересовалась профессией Брэдшоу и решила, что подобная работа ей идеально подходит, так как страстно желала вершить правосудие, у нее было мало денег и много времени и отсутствовали даже намеки на какое-нибудь занятие. Дебютировать на балах было очень утомительно; к тому же все мужчины предпочитали покорную, образцовую жену. Меррин же вообще не хотела выходить замуж. Она еще не встречала мужчину, которого могла бы предпочесть своим любимым книгам.

Когда она пришла к Тому в контору и предложила свои услуги, тот над ней сперва посмеялся. Но потом вспомнил про палаш. Меррин также напомнила ему о своих связях в высшем обществе и указала на то, что она вхожа в те дома, в которые ему обычно приходится проникать незаконным образом. Она может посещать балы и рауты и разговаривать с теми людьми, к которым он даже не сможет приблизиться. С того времени они и стали близкими друзьями.

Том подошел к журнальному столику, где стоял пыльный хрустальный графинчик с такими же стаканами, и жестом предложил ей выпить. Меррин отрицательно покачала головой. Она точно не знала, что в графинчике, но подозревала, что там мерзкого вкуса херес. Том налил себе порцию, сделал глоток и снова посмотрел на нее.

– Может, тебе стоит вообще бросить это дело, – резко сказал он. – Когда я нашел ту статью, я подумал, что ты имеешь право знать правду, но сейчас… – Он неловко пожал плечами. – Я начинаю думать, что ты можешь нам обоим причинить неприятности.

– Нет! – Меррин почувствовала, как ею овладевает паника. – Том, это была случайность. Я буду вести себя осторожнее, я обещаю.

Том ответил не сразу. Он сел, аккуратно поставил стакан на стол и подался вперед.

– Твое непоколебимое желание узнать правду заставляет тебя идти на риск, который мы не можем себе позволить. Ты просто одержима мыслью вывести на чистую воду Гаррика Фарна, – сказал он. – Это не только опасно. – Том вздохнул. – Это еще и неестественно. Ты должна отпустить ситуацию.

Меррин обняла себя за плечи. Ее бил озноб, мутило, к горлу подкатывала тошнота. Так всегда бывало, когда она вспоминала о брате и его смерти от руки Гаррика Фарна. Эта смерть отбрасывала тень на ее жизнь уже больше десяти лет. Ей было тринадцать, когда умер Стивен, и с ним, казалось, словно зашло солнце. После его смерти все изменилось, а с продажей поместья она лишилась всех вещей, которые остались после него на память. Все ниточки прервались. Стивен освещал ее жизнь, как ослепительная звезда, и, когда Гаррик Фарн погасил ее, вся жизнь Меррин погрузилась во тьму.

– Дело не только в смерти Стивена, – сказала она и уперлась рукой в оконное стекло. Оно холодило пальцы. В переулке внизу играли с обручем двое оборванных детишек. – Мы потеряли и отца, и свой дом. У нас ничего не осталось. Потеря наследника сломила папу, и он умер.

– Он мог бы больше ценить своих дочерей, – мрачно сказал Том. – Ему повезло, что у него остались другие дети, хоть он этого не понимал. – Том посмотрел на Меррин. – Хотя я иногда сомневаюсь, – добавил он, – насколько на твои воспоминания можно полагаться. Ты ведь была еще ребенком…

– Мне было тринадцать, – ответила она, чувствуя, как засосало под ложечкой. – Достаточно, чтобы все хорошо помнить.

Меррин отвернулась, чтобы Том не мог увидеть ее лица. Девушка точно знала, что происходило между ее братом и недавно вышедшей замуж Китти Фарн. Она лично носила им тайные записки. Это она привела Стивена на дорожку смерти. В ней шевельнулось давнее чувство вины, и Меррин постаралась стряхнуть с себя

болезненные воспоминания. Она ведь не предполагала, что все может кончиться убийством. В конце концов, это не она нажала на спусковой крючок и забрала жизнь Стивена.

– Ты говоришь виноватым тоном, – нахмурился Том. – Почему это…

– Уволь меня от своих умозаключений, – резко оборвала его Меррин. Она разозлилась, что он оказался таким проницательным. – Я не чувствую за собой вины. С какой стати? Это Фарн убил Стивена, а не я. И если он сделал это не на дуэли, а как хладнокровный убийца, он еще бесчестнее, чем я думала, и заслужил, чтобы все об этом узнали. Это не месть, Том. Это правосудие… – Она остановилась, потому что у нее кончился воздух.

В маленькой комнатке наступило молчание.

– Мне жаль, – проговорил Том. – Я согласен, что Гаррик Фарн слишком далеко зашел. – В его голосе зазвучали нотки нетерпения. Он пододвинул к себе стул. – Но я все равно считаю, что ты слишком поддаешься чувствам, Меррин. – Он потряс головой. – Я не знаю… но вряд ли я смогу запретить тебе преследовать Фарна, если ты этого захочешь. Это ведь неофициальное расследование.

– Думаю, не сможешь, – согласилась Меррин. – Но я считаю, что у нас в этом деле общий интерес. Я с самого начала так думаю.

Ее слова потрясли Тома.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что я знаю тебя, – сказала Меррин. – Не пытайся увиливать, Том. У тебя есть клиент?

Том уставился на нее, потом покачал головой.

– Я не могу ничего тебе рассказывать, – заявил он. – Гарантии конфиденциальности…

Меррин сердито фыркнула:

– Том!

– Ну ладно, – сдался тот и поискал что-то глазами среди бумаг на столе. – Кое-кто действительно интересовался. Один из братьев Фарна. Нежные чувства там, похоже, не ночевали.

– Родной брат хочет видеть его на виселице? – уточнила Меррин. Она знала, что Гаррик с семьей давно не общается, но все равно слова Тома ее шокировали. – С какой стати?..

Том пожал плечами:

– Я не задаюсь такими вопросами. Я просто беру с клиентов деньги. Но понимаешь… – Он сделал паузу и посмотрел на девушку. – Это еще одна причина, почему мы не можем допустить, чтобы Фарн все узнал.

– Я понимаю, – сказала Меррин.

Том провел рукой по волосам.

– Очень жаль, что Фарн тебя видел. Теперь он может начать задавать щекотливые вопросы. И он опасный человек. Лучше не вставать у него на пути. Он работал на Военное министерство, когда жил за границей.

– Переводчиком, – пренебрежительно фыркнула Меррин. – Отнюдь не на передовой.

– Если ты переводишь переговоры британцев с испанскими повстанцами, то это именно передовая, – сухо возразил Том. – С тем же успехом можно жить на пороховой бочке. А Фарн еще и знаменитый фехтовальщик, стреляет снайперски и… – Он оборвал фразу. – Извини, это бестактно с моей стороны.

Он открыл стол и вынул из ящика папку.

– Я еще кое-что выяснил, – сообщил он. – Разузнал про секундантов на так называемой дуэли. Со стороны Фарна выступал человек по имени Габриэль

Финч. Он стал миссионером и уехал в Австралию. Сейчас он викарий. А со стороны твоего брата был Чуффи Веллингтон, и мы все знаем, что с ним случилось.

– Он допился до смерти, – сказала Меррин. – Я помню Чуффи. Он был ужасным пьяницей.

– Думаю, от него было легко откупиться, – заявил Том. – Что касается доктора, то он сидит в тюрьме за долги. Можно нанести ему негласный визит.

– Я схожу, – вызвалась Меррин. – Со мной он скорее будет разговаривать, чем с тобой.

– Может, да, а может, нет, – возразил Том. – Вдруг он тебя узнает. – Том аккуратно закрыл папку. – Должен признать, что для Фарна все выглядит очень нелицеприятно. Три выстрела, одна из двух пуль в спине Стивена… Скомканные и «обновленные» отчеты в прессе, исчезнувшие свидетели, которым, без сомнения, заплатили… И побег за границу. А пока его не было, герцог все уладил с властями. И спустя десять лет Фарн вернулся домой, когда все уже прощено и забыто… – Том покачал головой и ненадолго замолк. – Вероятно, нам стоит заново рассмотреть все за и против. Мы можем вызвать большие проблемы. Эту историю похоронили много лет назад. Людям не понравится, что ее снова вытащили на поверхность.

Меррин содрогнулась. По позвоночнику прокатилась волна ожидания и предчувствия.

– Я не сдамся, – произнесла она. – Я хочу знать правду и хочу, чтобы Фарн предстал перед правосудием. Но если он узнает…

Если Фарн все обнаружит, он заставит ее заплатить чертовски высокую цену…

Она вспомнила, что, едва увидев Гаррика Фарна, почувствовала в нем жестокость. Том прав: он отнюдь не какой-то там мягкотелый гуманитарий, он человек с опасным прошлым.

Том наблюдал за ее лицом.

– Ты должна проследить, чтобы он ничего не узнал, – предупредил он, – но если ты слишком напугана…

Его тон стал как раз тем стимулом, которого так недоставало Меррин.

– Нет, – ответила она. – Нет, я об этом позабочусь. С превеликим удовольствием.

Глава 3

– Я нашел для вас детектива, ваша светлость. Его зовут Хаммонд.

Подергивающийся нос Поинтера ясно указывал, что дворецкий не может поверить, как низко он пал. Однако он все же посторонился и пропустил сыщика в библиотеку. За окном уже спустились почти зимние сумерки, они накрывали лондонские улицы и проникали в дома. Последние четыре часа Гаррик неохотно занимался бумагами семейных поместий. Выяснял, кто живет на попечении его герцогства и кому платят пенсии: всевозможным сиротам и вдовам, слугам, работникам поместий и целой армии тех, кто защищал его вотчину. Его ужаснуло, сколько людей от него зависит.

Несмотря на канделябр со свечами, в комнате было мрачно и пусто. Гаррик встал и потянулся, только теперь осознав, как сильно затекли руки и ноги после многочасовой работы над книгами. Он пожал гостю руку и жестом показал на стул. Они оба, гость и хозяин, отразились в широком настенном зеркале. Понятно, почему Поинтер не одобрил этого человека, подумал Гаррик. Дворецкий сразу определил, что тот не принадлежит к категории джентльменов. От сыщика неистребимо веяло бедностью. Казалось, она пропитывает его целиком: от дырявой одежды и поношенной шляпы в руке до вселенской усталости в глубоко посаженных серых глазах. Гаррик много раз встречал подобных ему в Испании – мастер на все руки, прирожденный профи, знающий себе цену. Именно тот, кто нужен Гаррику.

– Здравствуйте, мистер Хаммонд.

– Ваша светлость.

Мужчина не поклонился. Это больше походило на встречу равных. Детектив знал, что герцог нуждается в его услугах, и не считал нужным выражать почтительность.

– Выпьете что-нибудь? – предложил Гаррик. – Бренди?

– Благодарю вас, ваша светлость. Я не пью на работе.

Это заявление свидетельствовало об определенной дисциплинированности. Гаррик кивнул:

– Тогда я налью себе, если позволите.

Хаммонд улыбнулся в знак того, что считает эту фразу лишь данью вежливости. Он уселся в большое кресло с подголовником, что стояло перед камином, положил шляпу на колено и деликатно замер, ожидая, когда ему изложат суть дела. Гаррик налил себе бренди, не прибегая к помощи Поинтера, и сел напротив, закинув ногу на ногу. Мистер Хаммонд вопросительно поднял бровь. Гаррик помедлил и, осторожно подбирая слова, произнес:

– Мне нужно, чтобы вы нашли для меня одну леди, мистер Хаммонд.

Хаммонд с такой скоростью распахнул блокнот, что Гаррик вздрогнул.

– Она пропала, ваша светлость?

– Нет, – возразила Гаррик. – Я неточно выразился. Мне нужно, чтобы вы узнали имя одной леди.

– Я понял, – сказал Хаммонд.

– Я виделся с ней, но не знаю ее имени. Мне нужно, чтобы вы нашли ее и сообщили мне, кто она такая, – продолжил Гаррик, проникаясь к старику симпатией.

Хаммонд кивнул.

– Как она выглядит?

– Маленького роста, светлые волосы, синие глаза… – Гаррику стоило больших трудов не продолжить: миниатюрная богиня с прекрасными формами, мягкая гладкая кожа, яркие глаза, волосы как золотая пшеница…

«Возьми себя в руки, Фарн», – приказал он.

– Возраст? – Хаммонд не мигая смотрел на него пронзительным взглядом.

– Двадцать пять лет, – ответил Гаррик. – Во всяком случае, она так сказала.

Хаммонд кивнул.

– И вы встретили ее…

– Прямо здесь, – пояснил Гаррик. – Вчера вечером она влезла в мой дом. Или, вернее, – поправился он, – я думаю, что она жила в нем какое-то время. Не очень большое.

– Леди Меррин Феннер, – сразу сказал Хаммонд.

Гаррик растерянно моргнул:

– Прошу прощения?

– Леди Меррин Феннер, – повторил детектив. – Сестра Джоанны, леди Грант, и Терезы, леди Дарент. Дочь покойного графа Феннера, ваша светлость.

Леди Меррин Феннер.

Гаррику показалось, что кто-то высыпал ему за шиворот ведро льда. Женщина, которую он желал с такой страстью и которая так прочно поселилась в его мыслях, оказалась младшей сестрой Стивена. Перед глазами внезапно возникло издание «Мэнсфилд-парка» и выписанные на форзаце буквы М и Ф. Он вспомнил ее глаза и увидел в них ярко-синие глаза Стивена.

– Вот дьявол, – медленно протянул он. – Как вы узнали? В Лондоне наверняка сотня маленьких светловолосых леди двадцати пяти лет от роду. Две сотни. Тысяча.

Хаммонд позволил себе невеселую улыбку, в которой, однако, чувствовалось удовлетворение своими профессиональными способностями.

– Все верно, ваша светлость. Обычно это у меня занимает… – он сделал паузу, – ну, по меньшей мере день, чтобы получить такую информацию. Но леди Меррин Феннер работает на Тома Брэдшоу, и мы приглядываем за его конторой. – Сыщик подождал, но Гаррик никак не отреагировал на это сообщение, и он пояснил: – Брэдшоу – частный детектив, ваша светлость. Он наш конкурент. – На миг Гаррику показалось, что Хаммонд сплюнет, но у того хватило ума не пачкать пол герцогской библиотеки. – Он напыщенный тип, этот Брэдшоу, – продолжал Хаммонд. – Гладко стелет, да жестко спать. Хорошо, что вы не пришли к нему со своим запросом, сэр. Он только взял бы с вас деньги и наплел с три короба.

Гаррик нахмурился. Известие о том, что его полуночная гостья работает на жуликоватого детектива, подействовало на него странным образом – ему захотелось защитить ее. Меррин Феннер выглядела слишком честной и невинной, чтобы быть замешанной в темных делах. Но Фарн понимал, что его чувства к ней не позволяли ему быть объективным. Девушка залезла к нему в дом, да еще и обыскала его кабинет, библиотеку, спальню. Она явно не заблудившаяся дебютантка. Она – взломщица и, скорее всего, воровка.

– Значит, вы следили за леди Феннер, и вам было известно, что она находилась прошлой ночью в моем доме? – медленно проговорил Гаррик.

– Да, я получил такую информацию от одного из моих сотрудников, – подтвердил Хаммонд. – Последние пять дней она проводила здесь каждую ночь.

Пять дней она спала в его постели.

Гаррик вспомнил, как, скользнув под одеяло, он ощутил, как его обволакивает аромат Меррин. Мягкий, чувственный, соблазнительный.

Пять дней она рылась в его бумагах.

Ну и нервы у нее. Он отдавал ей должное. Интересно, на что же леди Феннер охотилась в доме Фарнов. Вывод напрашивался сам собой. Связующим звеном между ней и этим домом был ее брат. Она искала нечто, связанное со смертью Стивена.

Гаррик резко поднялся на ноги и шагнул к огню. Помешал дрова, и пламя с шипением разгорелось.

Двенадцать лет он боялся этого момента. Отец говорил, что все улажено: свидетели получили откупные, улики уничтожены – словом, он обо всем позаботился. Они втроем – герцог Фарн, граф Феннер и отец Китти лорд Скотт – похоронили все так глубоко, что были уверены: это дело уже никто никогда не раскопает. Но очевидно, они ошибались. Кое-кто пытается разбередить эту рану. Возможно, это и сама Меррин. Ожесточившись после смерти брата, она, вероятно, испытывала к Гаррику вполне объяснимую враждебность. А может быть, это и кто-то другой – возможно, человек, который Меррин ловко манипулирует. Гаррик чувствовал, что обязан все это выяснить. Ради всех тех, кто находится на его попечении.

Он повернулся к Хаммонду. Тот молча и серьезно смотрел на герцога.

– Этот Брэдшоу, – произнес Гаррик. – Что вы о нем еще знаете?

Хаммонд засмеялся:

– Он – мошенник. Вырос на улице, знает трущобы как свои пять пальцев. Сколотил немного денег – лучше не спрашивайте, каким образом – и основал свою контору. Не слишком разборчив, если плата подходящая. – Он пожал плечами. – Грубый, жестокий…

– И водить с ним знакомство небезопасно? – с иронией поинтересовался Гаррик.

– Без сомнения, ваша светлость.

Гаррик поморщился. Похоже, нет особых причин, по которым Том Брэдшоу стал бы интересоваться дуэлью двенадцатилетней давности, так что, скорее всего, вдохновительницей расследования была действительно Меррин Феннер.

– Я хочу знать, какие у леди Меррин планы на завтра, – пояснил он. Хаммонд кивнул, и Гаррик продолжил: – И еще я хочу знать больше о Томе Брэдшоу. Все, что вы сочтете полезным.

– Да, ваша светлость.

– Благодарю, Хаммонд, – сказал Гаррик. – Ваши услуги поистине бесценны.

Хаммонд ухмыльнулся.

– Брэдшоу считает себя лучшим, – удовлетворенно заметил сыщик. – Но он переоценивает свои возможности.

– Пока вы следите за Брэдшоу, он, безусловно, следит за вами, – негромко заметил Гаррик. – А это значит, что ему все известно о нашей встрече.

Всем своим видом показывая неодобрение, Поинтер проводил детектива к выходу, а Гаррик вернулся к столу, вытащил документы, касающиеся поместье Феннеров, и взвесил их на руке. Меррин Феннер наверняка знает, что его отец нажился на смерти ее брата, купив за бесценок родовое имение. Еще одна причина ненавидеть все, что связано с именем Фарнов.

«Завтра я отыщу Меррин, – подумал он, – и узнаю, что ей известно и что она намеревается предпринять». Гаррик негромко выругался. Меррин Феннер такая решительная, страстная и – он мог бы в этом поклясться – совершенно неискушенная девушка. Когда кто-то хочет раскрыть правду, нет более опасной комбинации, чем честность и страсть. И он сделает все, чтобы правда так никогда и не была раскрыта.

Меррин пригладила свою простенькую шубку и крепче сжала кожаную ручку сумочки. Сегодня вечером она будет изображать привычного персонажа – даму, страстно интересующуюся литературой, этакого книжного червя. Она договорилась, чтобы ей разрешили просмотреть подшивки газет в королевской библиотеке. Его величество Георг III имел обширную коллекцию классики – английской и итальянской, но подборка подшивок периодики в его библиотеке была куда менее внушительна. Меррин надеялась найти хоть какую-нибудь

заметку о смерти брата, более подробную, чем та, которую нашел Том. Авторы большинства статей о дуэли придерживались официальной версии, но какая-то газета могла и написать правду – до того, как семья Фарн наложила вето на публикации, в которых был отражен истинный ход событий, и заплатила всем, кто мог проболтаться.

– Пожалуйста, сюда, мадам. – Клерк с почтением показал ей направо. – Сэр Фредерик скоро придет.

Восьмиугольное помещение выглядело великолепно. Свет проникал через потолок, представлявший собой белый высокий купол. Все восемь стен занимали книжные полки. Они простирались над головой за балкончиками с коваными перилами в два ряда. Меррин никогда еще не видела столь впечатляющей библиотеки. И хоть она много их повидала за прошедшие годы, она знала, что никогда ими не пресытится.

Появился сэр Фредерик Барнард, королевский библиотекарь. Он пожал ей руку и провел за центральный столик. Сэр Фредерик объяснил, как именно сгруппированы подшивки, и оставил ее одну. В комнате было очень спокойно, как бывает только в библиотеках. Тишину прерывал лишь шелест страниц и приглушенный стук шагов, когда сэр Фредерик или какой-нибудь его клерк проходили от одной полки к другой.

Однако спустя десять минут какой-то джентльмен сел за столик напротив Меррин. Высокий, широкоплечий, отнюдь не денди, на нем был простой сюртук и бриджи из оленьей кожи. Рыжие волосы необычно темного оттенка растрепаны, и он их пригладил у нее на глазах. Потом он поднял голову и встретился с ней взглядом. Они оказались карими и настолько темными, что в них невозможно было ничего прочесть.

Гаррик Фарн, узнала Меррин. Герцог Фарн был здесь, в королевской библиотеке.

Сердце ее на мгновение замерло и бешено забилось. Она опустила голову, чтобы скрыть лицо за полями шляпки. Ее охватил жар, а пальцы заледенели. Рука у нее дрогнула, и драгоценные документы рассыпались по полу. К ней тут же тихо подскочил клерк и помог все собрать. Меррин пробормотала извинения. Надо взять себя в руки. Глупо так нервничать просто потому, что напротив сидит Гаррик Фарн. Он не мог узнать, что два дня назад той женщиной в его спальне

была она, подумала Меррин. Она же вся была в пыли и паутине. Он даже не мог определить ее возраст. В этом и была прелесть ее невзрачного облика. Ее никто никогда не запоминал.

Но все равно Меррин нервничала. В первый раз за все время ее могли разоблачить. Ее пальцы скользили по бумаге, и она поняла, что ей трудно сосредоточиться. Конечно, она может просто уйти. Можно встать, сослаться перед библиотекарем на мигрень и уйти, пообещав вернуться в другой раз. Правда, она пробыла в библиотеке всего пять минут, и это будет выглядеть странно. Да к тому же это малодушие, а она не робкого десятка. Меррин Феннер не боится никого и ничего. Джентльмены из светского общества ее не привлекали, но и не представляли для нее опасности. И они никогда ее не тревожили. Только этот мужчина с проницательным взглядом, весь облик которого дышал властностью, смог задеть ее душу. Но лишь потому, что последние двенадцать лет его тень постоянно присутствовала в ее мыслях. Теперь она знала, что он солгал о смерти ее брата, и хотела лишить его всего – друзей, репутации, уважения.

Меррин попыталась не смотреть на Гаррика, но поняла, что это труднее, чем кажется. Откуда он узнал, что сегодня она будет в королевской библиотеке? Это не может быть простым совпадением, подумала она. Он уже на шаг впереди нее. Внезапно ей в голову пришла поистине ужасающая мысль. Наверное, Гаррик нанял частного детектива – такого, как Том, – и узнал ее имя. Меррин не питала иллюзий, она знала, что подобную информацию можно купить – или приобрести под давлением – при достаточном количестве денег. Она не раз бывала тому свидетелем.

Девушка взглянула на Гаррика из-под шляпки. И тут же пожалела об этом. Он не читал. Книга была отброшена в сторону, перо валялось на столе.

А он сам наблюдал за ней.

Его взгляд медленно скользил по ее лицу, волосам, выглядывающим из-под помятой голубой шляпки, щекам, губам. Губам он уделил непропорционально большое количество времени, и Меррин ощутила стеснение в груди. Кожа стала очень чувствительной, ее пощипывало от близкого присутствия герцога Фарна. Это обеспокоило. Девушка уставилась на лежащую перед ней страницу, хотя буквы скакали у нее перед глазами и смысла она совершенно не понимала. Даже не глядя на Гаррика, она чувствовала его взгляд, похожий на прикосновение.

Как будто он гладил ее щеку, обводил гладкую линию подбородка и прикасался к губам. Последнее напоминало поцелуй.

При этой мысли она резко втянула воздух, чувствуя, что не может противостоять его невысказанной, но настойчивой просьбе, и подняла на него глаза.

Герцог вообще на нее не смотрел и сосредоточенно что-то записывал. Меррин чуть нахмурилась и откинулась на спинку стула, все тело у нее гудело от витающего в воздухе напряжения. Гаррик поднял голову, поймал ее взгляд и насмешливо поднял бровь – Меррин могла расценить это только как знак высокомерия. На губах его заиграла слабая улыбка, в которой было столько откровенного мужского самодовольства, что у девушки руки зачесались дать ему пощечину.

С пылающим лицом она снова сгорбилась над подшивками. Дорчестерский «Рекламист», борнмутский «Тайный советник»… И ни одной строчки о смерти Стивена. Казалось, его имя вымарали полностью, словно он никогда не существовал. Меррин почувствовала, как в ней поднимается ярость. Ей здесь больше нечего делать.

И тут ее внезапно осенила идея. Меррин вернулась к лондонским газетам за июль 1802 года и стала искать объявления о приемах, раутах и тому подобном. В них печатались списки гостей. Это были последние балы сезона, потом город пустел. Меррин наконец улыбнулась удача. Просматривая списки присутствовавших на приеме четы Денман вечером 25 июля, она обнаружила там Чуффи Веллингтона, друга Стивена, человека, который, как предполагалось, был его секундантом, но в таком случае он никак не мог присутствовать на дуэли днем в Дорсете, а вечером того же дня появиться на званом ужине в Лондоне…

У Меррин так дрожала рука, когда она записывала эти подробности, что ее почерк почти невозможно было прочитать. Она осторожно закрыла подшивку газет и поднялась на ноги. Девушка чувствовала себя совершенно опустошенной, ее голова раскалывалась. Это был лишь крошечный кусочек улики, но очень ценный. Очередной фрагмент мозаики, который позволял увидеть совсем иную картину того, что произошло в день смерти Стивена.

Меррин собрала все бумаги в стопку и сунула в карман драгоценный листок со своими записями.

– Прошу прощения, – сказала она клерку, что маячил поблизости. – Боюсь, сегодня мне не сосредоточиться. Я еще раз зайду и договорюсь на другое время. Доброго дня, и спасибо вам за помощь.

Девушка повернулась, чтобы уйти. Гаррик не шевельнулся, ни единым мускулом не отреагировав на то, что заметил ее отступление. Меррин резким движением переложила перчатки в другую руку и зашагала к выходу. Ей стоило большого труда не обернуться, хоть она и не сомневалась, что Гаррик за ней наблюдает. Она затылком чувствовала его взгляд и вся покрылась мурашками.

Когда до двери оставалось около трех футов, из-за ближайшего книжного шкафа появился Гаррик и, не скрываясь, пошел за ней следом.

Теперь, когда леди Меррин Феннер освещал дневной свет, Гаррик осознал, что она действительно такая, какой он вообразил ее прошлой ночью. Прекрасная миниатюрная женщина с белокурыми волосами. И самыми ярко-синими глазами, какие он только видел. В них светились вызов и решительность, странным образом не сочетавшиеся с поношенной одеждой «а-ля синий чулок». Унылое голубое платье, помятая шляпка, скромные перчатки и сумочка казались несовместимыми с ее силой воли и духа. С их помощью она просто сливалась с окружающей обстановкой, маскировалась под нее. Гаррик сразу понял, что она не простая мисс из светского общества.

Прошлой ночью Меррин сказала, что ей двадцать пять. Это удивило его. Она показалась ему моложе. Хорошая актриса, подумал Гаррик. Той ночью в спальне она выглядела маленькой и беззащитной, как уличная бродяжка, коей она и представилась. И он чуть было не поверил, что ей действительно нужен приют. Если бы не ее дорогое платье и речь высокородной дамы, он мог бы купиться на эту ложь. Юркая и подвижная как ртуть, она буквально выскальзывала из пальцев. В предыдущий раз она от него сбежала. Но на этот раз ей это уже не удастся.

Гаррик видел, что девушка не желает с ним разговаривать. Ее напряженная поза и скрытые взгляды, которые она бросала на ближайшую дверь к выходу,

подсказывали, что ее единственное желание сейчас – сбежать без оглядки. Что неудивительно. Величественный зал королевской библиотеки, где королевский библиотекарь и его помощники с интересом наблюдают за читателями из-за книжных полок, – явно не лучшее место, чтобы вступать в открытое противостояние. Но тем хуже. Он не мог допустить, чтобы Меррин снова от него сбежала.

Гаррика снова окутал аромат с едва уловимым запахом колокольчиков, и все его тело сразу же напряглось от желания. Он подумал, что даже без информации Хаммонда он бы понял, что именно она была той женщиной в его спальне. Женщиной, спавшей в его постели. Герцог представлял себе, как маленькая изящная Меррин лежит на его постели, обнаженная кожа на хрустящих простынях, волосы рассыпались по подушке. Казалось, что она оставила на нем частичку себя, и он не может от нее освободиться.

Сейчас Меррин смотрела на него презрительно и нетерпеливо, словно Гаррик был назойливым ухажером или каким-то паршивым стихоплетом.

– Я хотел принести извинения, – беззаботно заявил он, – на случай, если это из-за меня вы не смогли сегодня сосредоточиться.

Он заметил, как она прикусила губу, и понял, что девушка разрывается между сильнейшим желанием дать ему отповедь за подобное предположение и не менее сильным – проигнорировать его слова и сбежать. Последнее в итоге преобладало.

– Я сожалею, – ответила она, – но я не могу с вами разговаривать. Нас с вами друг другу не представляли. Извините.

Меррин попыталась прошмыгнуть мимо, но Гаррик положил ей на плечо руку. Он понизил голос и тихо сказал ей на ухо:

– Кое-кто мог бы сказать, что нашего неофициального представления – в моей спальне две ночи назад – вполне достаточно для первого знакомства.

Гаррик заметил, что ее шокировала подобная прямота. Без сомнения, Меррин не ожидала, что он так просто об этом заговорит. Джентльмены обычно не разговаривают с леди столь откровенно. Она напряглась. Гаррик увидел

сложенные бантиком губы, и ему тут же захотелось поцеловать их. Горячее желание овладело им. Горячая волна поднялась к голове и спустилась ниже.

Видимо, это отразилось у него на лице. На мгновение он увидел, как синие глаза Меррин вспыхнули страстью, словно отвечая на его желание. Она беззвучно ахнула. Гаррик шагнул к ней и оказался почти вплотную. Но Меррин уже пятилась, тихонько отступая назад, горячий блеск во взгляде сменился холодным презрением.

– Умоляю, простите, – сказала она, – но мне кажется, вы приняли меня за совершенно другую леди. – На предпоследнем слове она сделала едва заметное ударение. – Я не принадлежу к женщинам, которые ходят по мужским спальням.

Меррин снова повернулась к двери, но Гаррик уперся рукой в косяк, преграждая ей путь.

– В прошлый раз вы от меня сбежали, – произнес он. – На этот раз уже не получится.

Ее синие глаза сверкнули холодным блеском.

– Вы не можете мне приказать, ваша светлость.

– Значит, вам все-таки известно, кто я, – мягко сказал Гаррик. – Помнится, вы утверждали, что мы с вами никогда не встречались?

Она разозлилась, что он поймал ее на слове.

– Я слышала, как сэр Фредерик упомянул ваше имя, вот и все.

Гаррик улыбнулся.

– Какое разочарование слышать, что вы не стремились узнать, кто я, – пробормотал он.

Меррин облила его вежливым презрением:

– Уверена, что самонадеянность вашей светлости переживет этот удар.

– Мне тоже известно ваше имя, – произнес Гаррик. – Вы леди Меррин Феннер.

На ее лице явственно промелькнула тревога. Она замерла и сердито сжала губы. Потом вздернула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза.

– Да, – согласилась она. – Я леди Меррин Феннер.

Гаррик восхитился ее умом и прямотой. Всего за секунду она прикинула, что раз он знает, кто она такая, то от отрицания очевидного она ничего не выгадает. Правда, он сомневался, выиграл ли он сам от этого хоть что-то, так как начинал подозревать, что Меррин – сильный противник.

Наступило молчание, хотя казалось, девушка ждет, что Гаррик что-то скажет. Интересно, что именно? Что он перед ней извинится? Он каждый божий день сожалел о смерти Стивена Феннера, но любые слова казались ему в лучшем случае пустыми, а в худшем – лицемерными. К тому же герцог сильно сомневался, что, выразив сожаление, сможет хоть как-то повлиять на чувства Меррин. Он убил Стивена. И она ненавидит его за это. Гаррик точно знал это. Он чувствовал в ней ненависть – страстную темную силу.

– Что вы делали в моем доме? – спросил он. – Это правда, что вам негде жить? Что вы спали на улице? Что искали любое место, где можно укрыться?

На мгновение ему представилось, какие лишения могли терпеть все эти годы сестры Феннер из-за его поступка. Гаррик знал, что их отец прожил не больше года после гибели сына. Но что стало с сестрами, он не знал. Он жил за границей, пытался смириться с тем, что ему так и не удалось спасти Китти от ее демонов и страданий, и искал смерти во благо своей страны, чтобы сохранить хоть немного фамильной чести.

Меррин Феннер обратила на него взгляд своих синих глаз.

– Да, мы с сестрами потеряли наше состояние после смерти отца, – сказала она, и Гаррика вновь охватило чувство вины, неотступно следовавшее за ним все эти годы. – Но я не поэтому… позаимствовала… вашу кровать, – договорила она.

Меррин чуть отвернулась, взяла из стопки на столе какую-то книгу и рассеянно провела пальцем по корешку.

– Я просто так решила. – Девушка искоса глянула на него из-под ресниц. – Дом Фарнов совсем без защиты, ваша светлость, в него очень легко пробраться, – спокойно проговорила она. Будь на месте Гаррика другой человек, он бы решил, что она ведет светскую беседу. Но когда Меррин посмотрела на него, он увидел, какой жесткий у нее взгляд. – Вам следовало бы тщательнее охранять… ваши секреты. Они слишком уязвимы, – добавила она.

Гаррик выпрямил спину и прищурился. Их разговор разворачивался необычайно стремительно. Леди Феннер зря времени не теряла. И вела себя открыто враждебно. Вероятно, по причине очень сильных эмоций, подумал он. Он уже сталкивался с людьми, которые вели себя так откровенно, но среди них редко попадались женщины. А у них с Меррин было и еще что-то, какое-то сильное чувство, их связывающее. Несомненное хотя и неожиданное. Может быть, его разожгла ненависть, а может, и нет, но это чувство горело в ней, как холодное пламя.

– Вы мне угрожаете, леди Меррин? – медленно проговорил он.

– Я никогда бы не опустилась до такой вульгарности, как угрозы. – На этот раз девушка улыбнулась. Ее глаза зажглись улыбкой и теперь притягивали еще сильнее. – Я просто предупреждаю, что те дела, которые вы считали давно похороненными, скоро выйдут на свет божий, и тогда… – Она пожала плечами. – В общем, я полагаю, что вы рискуете потерять многое из того, что так цените.

– И что же я, по вашему мнению, так сильно ценю? – спросил Гаррик.

Крошечная морщинка прочертила лоб Меррин, когда она поняла, что на самом деле не знает этого.

– Ваш титул? Ваше состояние? – высказала она предположение. – Вашу жизнь?

– Титул, состояние, жизнь…

Гаррика не заботило его герцогство, если не считать ответственности перед людьми, которые ему служили. Ему не единожды хотелось отказаться от титула – он предполагал, что кто-нибудь из его младших братьев наслаждался бы этой ролью намного больше. Заседал бы в палате лордов и упивался своим величием. Что касается состояния, то оно позволяло ему делать то, что он хотел, и с его стороны было бы огромной неблагодарностью не ценить этого. Деньги также позволяли ему защищать тех, кто в нем нуждался. А жизнь… Он иронично улыбнулся. После гибели Стивена он считал, что его жизнь ничего не стоит, и не раз пытался ее отдать. Но у него ничего не выходило. Иногда Гаррик даже думал, не наказание ли это свыше – сколько бы он ни старался искупить грех, сколько бы усилий ни прикладывал, у него ничего не получалось.

– И вы хотите все это забрать у меня? – спросил он. – Вы хотите моей смерти? Потому что я убил вашего брата и разрушил вам жизнь?

Меррин не дрогнула под его намеренно жестокими словами и аккуратно положила книгу обратно на стопку.

– Да, – ответила она. – Я любила своего брата и считаю, что его убийство заслуживает правосудия. – На мгновение Гаррик увидел, как ее ледяная холодность разбилась на тысячу осколков душевной боли. – Я хочу забрать у вас все, ваша светлость, – сказала Меррин. – Мы все потеряли из-за вас. Вы должны узнать, каково это.

Гаррик неотрывно смотрел ей в лицо.

– И что вы намереваетесь сделать? – спросил он.

Она подняла брови:

– Я намереваюсь узнать правду. Я знаю, что не было никакой дуэли. Я знаю, что вы хладнокровно застрелили Стивена. Я узнаю, что произошло на самом деле, а потом… – Девушка остановилась, и Гаррик подумал, хватит ли у нее смелости довести дело до конца, посмотреть, как его повесят. Он увидел, что она задрожала и тяжело сглотнула.

– А потом вы передадите властям улики и будете смотреть, как я болтаюсь на виселице на шелковой веревке, – сказал он.

Она вскинула на него глаза:

– Я…

Меррин моргнула. Их взгляды встретились. В ее глазах плескалась растерянность. Она казалась очень юной, почти девочкой. Гаррик испытывал к ней огромное сострадание. Меррин Феннер была храброй, честной и хотела, чтобы свершилось правосудие. Он восхищался этими ее чертами. Но он также знал, что, если правда выйдет наружу, девушка испытает жесточайшее крушение иллюзий. Память о брате будет запятнана, и ее жизнь снова разрушится. Не говоря уже о том, что были и другие люди, не заслуживавшие наказания. Те, кого он поклялся защищать в тот ужасный день, когда умер Стивен. Гаррик не мог допустить, чтобы она предала их имена огласке, вдобавок ко всему тому ужасу, который принесло бы раскрытие правды.

– Вы не найдете доказательств, – сказал Гаррик и увидел, как в ее мягком взгляде появилось торжество.

– Слишком поздно, – заявила Меррин. Ее рука на мгновение предательски скользнула к карману. – У меня уже есть кое-какие улики, а будет еще больше. Можете быть уверены.

Гаррик был уверен только в одном – он должен выяснить, что она обнаружила, и остановить ее. К счастью, он еще не растерял привычки повесы. Безо всякого предупреждения потянув ленты ее шляпки и сдвинув ее Меррин на затылок, он положил ей руки на талию и стал целовать. Девушка ахнула и приоткрыла рот под его губами. Реакция девушки, которую никогда раньше не целовали. Значит, его первое суждение было верным, подумал Гаррик, несмотря на несколько экстравагантный образ жизни, Меррин Феннер была невинна. Осознав это, он испытал прилив вожделения.

Гаррик не стал делать скидку на неопытность Меррин и поцеловал ее глубоко, настойчиво, собственнически. Он проскользнул языком ей в рот и почувствовал, как она издала тихий стон. Гаррик ощущал ее страсть, чувствовал, как она отвечает ему, и на мгновение потерял голову. Настолько, что чуть не забыл о своей цели. Весь его мир сузился до одной-единственной женщины в его объятиях, до ее вкуса и запаха. Потребность взять ее и удовлетворить свои низменные желания чуть не разрушила его самообладание.

Но он осторожно выпустил Меррин. Девушка открыла глаза. Взгляд ее был потемневшим и затуманенным. Она прижала руку к губам, ярким и чуть припухшим от его поцелуев. Тело Гаррика напряглось еще больше. В этом смысле поцелуй явно был не самым мудрым решением, поскольку еще сильнее подогрел его распаленное желание. С другой стороны, он добился именно того, что хотел.

Казалось, Меррин едва стоит на ногах. Постепенно она пришла в себя и яростно взглянула на него.

– Меня никогда раньше не целовали, – резко сказала она. – И я безусловно не желала, чтобы вы стали первым.

– Я принес бы вам свои извинения, – сказал Гаррик, – но это было бы нечестно с моей стороны.

Меррин бросила на него испепеляюще-презрительный взгляд, потом повернулась и зашагала прочь, яростно топая по мраморному полу. Она вышла на улицу и со стуком закрыла за собой дверь. Гаррик пересек комнату и подошел к окну. Девушка уже появилась во внутреннем дворике и быстрым шагом удалялась от библиотеки. Она не вернула на место шляпку, и осенние лучи солнца освещали ее волосы цвета позолоченного серебра, превращая их в ослепительно яркие нити. Меррин потерла виски, словно у нее болела голова. От этого жеста Гаррик почему-то испытал к ней сочувствие. Такая маленькая, но такая гордая, решительная, храбрая.

Гаррик не отрываясь смотрел ей вслед. В какой-то момент она обернулась через плечо, заметила его у окна и резко остановилась. На какое-то мгновение их глаза встретились, потом она вскинула голову, быстро развернулась на каблуках и скрылась за углом.

– Ваша светлость. – Барнард коснулся его руки, возвращая к действительности. Библиотекарь выглядел растерянным и взволнованным, как человек, в присутствии которого герцог был столь невежлив, что поцеловал леди прямо в королевской библиотеке. – Ваша светлость, – повторил он, краснея и запинаясь. – Все в порядке?

– Мои извинения, Барнард, – ровно произнес Гаррик. – Я не хотел нарушать спокойствие.

Тот покачал головой. Гаррик видел, что Барнард разрывается между желанием сделать ему выговор за недостойное поведение и страхом рассердить самого пэра королевства.

– Не имеет значения, ваша светлость, – выговорил он в конце концов. – Я полагаю, с той юной леди нет никаких проблем? Я правильно понял, что она – леди? У нее были безупречные рекомендации, и я не колеблясь принял ее просьбу просмотреть издания.

Гаррик чуть не рассмеялся. Барнард очень волнуется, что мог ошибочно допустить в королевскую библиотеку женщину с плохой репутацией.

– Леди Меррин известна своим интересом к наукам, и она определенно леди, – сказал Гаррик. – Один прискорбный случай… – он кашлянул, – не дает оснований сомневаться в ее моральных устоях и в ее праве быть допущенной в библиотеку его величества. Боюсь… – Гаррик постарался изобразить искреннее раскаяние, – я был слишком восхищен леди Меррин и на какой-то момент потерял голову. Это целиком и полностью моя вина.

– Что ж, – произнес сэр Фредерик, – надеюсь, ваша светлость, что больше подобного не произойдет. Это было просто возмутительно!

– Безусловно, не произойдет, – согласился Гаррик. – Еще раз извините.

Успокоившись, библиотекарь вернулся к себе, а Гаррик выбрал тихий уголок и сел за стол. Он вынул листок бумаги, который забрал у Меррин из кармана, пока они целовались, и развернул его.

Это была заметка из «Лондон кроникл» от 26 июля, вышедшего на следующий день после смерти Стивена. В ней был список гостей на званом ужине у четы Денман, который они давали накануне. Гаррик тут же увидел в нем имя Чуффи Веллингтона и понял, что это означает. Меррин тоже поняла, он в этом не сомневался.

Его нехорошие предчувствия усилились. Гаррик знал, что, если он спросит сэра Фредерика Барнарда, тот подтвердит, что Меррин просматривала газеты и журналы, относящиеся к тому времени, когда погиб ее брат. Интересно, нашла ли она что-то еще. Гаррик считал, что все статьи о том скандале содержат одну и ту же информацию. Как он понял, его отец, граф Феннер и лорд Скотт об этом позаботились. Но они могли что-то просмотреть, какие-то детали все же могли просочиться. Достаточно было, чтобы некто, желающий свершить правосудие – некто вроде Меррин, – как следует покопался и обнаружил несоответствия в заметках. И тогда весь карточный домик начнет сыпаться.

Гаррик представлял, что будет, если тщательно продуманные планы Меррин начнут претворяться в жизнь. Люди, которых он защищает, окажутся вовлечены в грандиозный скандал. Можно ли доверить правду Меррин Феннер? Эта мысль казалась ему довольно привлекательной, ибо он интуитивно чувствовал, что Меррин честна, и ему хотелось ответить ей тем же. С неохотой, но все же он отказался от этой идеи. Доверять Меррин – чистое безумие, учитывая, что она не скрывает своего желания разрушить ему жизнь и отправить на виселицу. Единственное, что Гаррик мог сделать, – это продолжать защищать тех, кто в нем нуждается, и постараться узнать, что Меррин известно, заставив ее затем прекратить расследование. Внутри у него все сжалось от нехороших предчувствий.

Гаррик сунул листок в карман и вышел из библиотеки. У него в ушах до сих пор раздавались обвиняющие слова Меррин, хоть и сказаны они были спокойным тоном.

Мы все потеряли из-за вас…

Он не стал защищаться перед ней. Он просто не смог. Так или иначе, но это была правда.

Глава 4

Меррин отправилась в библиотеку, а Том начал нервничать, он просто не находил себе места. Несколько часов он занимался бумажной работой, но в конце концов отложил документы в сторону, подошел к окну и глянул на восток

поверх ветхих крыш. Солнце уже зашло, небо стало жемчужно-серым, а улицы казались скользкими от дождя. Река выглядела темной и мрачной. Приближался вечер. Стоя у окна, Том отчетливо понимал, кто он и откуда. Стоило только посмотреть на пирс Святого Джилиса, пришвартованные суда, ожидающие разгрузки, и запутанный лабиринт узких улочек и проходов, которые были для него когда-то родным домом. Он прошел длинный путь; резвый наблюдательный мальчик, использовавший свои способности, чтобы обчищать чужие карманы и прилавки, превратился в человека, который ищет людей и не только их. Браконьер превратился в егеря. Но ему нравилось работать на самом берегу Темзы. Это напоминало, как высоко он поднялся – и сколько еще предстояло карабкаться.

Раздался стук в дверь, и входная дверь под властной рукой сразу же распахнулась. Том повернулся и оказался лицом к лицу с молодой женщиной лет двадцати с небольшим. Очень красивой женщиной, высокой и статной. Он мог бы назвать ее амазонкой – если бы был начитан хотя бы на четверть так хорошо, как Меррин. Но поскольку начитанным он не был, а был просто мужчиной, который ценит красивых женщин, то отреагировал он скорее телом, чем разумом.

– Мистер Брэдшоу? – вопросительно произнесла женщина. У нее был хрипловатый голос, полный многообещающего сексуального удовольствия. Или, рассеянно подумал Том, ему просто нравится так думать.

Женщина прошла через комнату и протянула ему руку. Брэдшоу окутал аромат духов, и голова пошла кругом. Женщина была одета дорого и шикарно, но что-то в стиле ее одежды говорило не в пользу скромности. Юбки слишком тесно прилегали к ногам и соблазнительно шелестели. Платье было с глубоким вырезом, и, подчеркивая его V-образную форму, меж холмиков груди поблескивала бриллиантовая брошка. Том сказал первое, что пришло ему в голову:

– Вам не стоит носить драгоценности в нашем районе, особенно после наступления темноты. Вы прямо напрашиваетесь на ограбление.

Женщина засмеялась.

– Хороший совет, – сказала она и наклонилась к нему поближе. Том даже ощутил тепло ее кожи. – Все мои драгоценности – просто стекляшки, – прошептала она. – Настоящие я продала несколько лет назад.

«Ненастоящая леди во всех смыслах», – подумал Том. Он отступил на шаг и попытался сосредоточиться.

– Чем я могу вам помочь, мэм? – спросил он.

Ей понравилась его любезность. На губах заиграла слабая улыбка.

– Я слышала, что вы лучший сыщик, – сказала она.

Том тоже улыбнулся.

– Это зависит от того, чего вы хотите.

Женщина оглядела его с головы до ног, явным образом показывая свои желания.

– Я еще не встречала человека, который бы не утверждал, что он лучший во всем, – промурлыкала она.

– Я скорее спец в одном, чем мастер ни в чем, – сказал Том. Он предложил ей сесть и вернулся обратно за стол. – По-моему, вы не представились, – добавил он.

Ее глаза вспыхнули.

– Я предпочитаю этого не делать.

Том пожал плечами. Он уже знал, к какой категории она принадлежит. Испорченная богачка, возможно даже титулованная. Ей всегда потакали – или не обращали внимания на ее недостатки, – и в результате она отбилась от рук. Она привыкла получать то, чего хотела, и, скорее всего, была не столь искушенной, как притворялась. Интересно, о чем думали ее родители или опекуны, когда предоставляли ей столько свободы. Однако сейчас она уже не ребенок, и не его дело наставлять высокородных молодых леди на путь истинный.

– Так чем я могу вам помочь? – повторил он.

Женщина искоса посмотрела на него своими кошачьими глазами.

– Я… мне нужно, чтобы вы кое-кого нашли для меня.

– Мужчину или женщину?

Она прикусила губу.

– Ребенка.

– Вашего? – поинтересовался Том.

Женщина презрительно глянула на него:

– Ради бога! Я не настолько небрежна.

Том не слишком-то ей поверил. Он легко мог себе представить, что она еще девочкой сбилась с пути истинного. Ее могли отослать из дома, чтобы скрыть беременность, ребенка потом отдали, а дело замяли. Том довольно часто сталкивался с такими историями. Тайны и ложь – это его хлеб с маслом.

– Что ж, очень хорошо, – сказал он. – Тогда чьего ребенка нужно найти, если не вашего?

– Герцога Фарна.

Том чуть не сломал перо.

– Прошу прощения?

Женщина нахмурилась.

– Я хочу, чтобы вы нашли ребенка Гаррика Фарна.

– У Гаррика Фарна нет детей, – возразил Том.

– Совершенно верно. – Она склонила голову к плечу и посмотрела на него. – Я полагала, что вы не в курсе. Я была не права?

– Ладно, – сказал Том. – Значит, вы утверждаете, что у Гаррика Фарна есть внебрачный ребенок, существование которого он скрывает – по какой бы то ни было причине. И вы хотите о нем или о ней узнать, включая местонахождение?

Женщина кивнула:

– Все верно.

– Зачем? – поинтересовался Том.

Женщина нетерпеливо передернула плечами.

– Не думаю, что обязана объяснять вам причину. Я предполагала, что мне нужно только предложить вам работу. И заплатить.

Строго говоря, она права, подумал Том. Он множество раз брался за работу ради денег и не задавал вопросов. Но в данном случае ему было любопытно.

– Просветите меня, – сказал он.

Женщина посмотрела на него и вздохнула.

– Слушайте, меня зовут Гарриет Найт, и я… я была подопечной покойного герцога Фарна.

Значит, это та самая женщина, которую, по словам Меррин, Гаррик Фарн выставил из своей спальни. Том окинул взглядом обтянутое шелковым платьем шикарное тело и подметил призывный блеск в глазах. Похоже, правду говорят, что Фарн похоронил свое сердце вместе с женой, зарекся от бесшабашных утех юности и живет как монах. На Гарриет Найт среагирует любой мужчина, если только он не сделан из камня.

– Зачем вы хотите найти приблудыша Фарна? – прямо спросил Том.

Гарриет глянула на него уголком глаза:

– Может, чтобы о нем заботиться?

Теперь настала очередь Тома удивляться.

– Я вас умоляю! Разве я похож на человека, который купится на такое?

Гарриет медленно растянула губы в улыбке:

– Ладно. Правда в том… – Она сделала паузу. – Правда в том, что мне любопытно. Я слышала много всего – и о его связи, и о ребенке. Когда жена Гаррика умерла, я была еще девочкой, но очень любознательной девочкой. И обожала подслушивать. Я слышала, как герцог – мой опекун – говорил о ребенке, как искал для него респектабельную семью, как платил ей деньги… Я была еще подростком, но отлично знала, что Гаррик – ужасный повеса. – Ее глаза засверкали. – Сказать по правде, это-то как раз меня в нем и привлекало. – Глаза Гарриет погасли, она помрачнела. – Вот я и решила узнать, что было с этим ребенком дальше. – Женщина откинулась на спинку стула и с надеждой посмотрела на Тома.

– Но почему именно сейчас? – настаивал тот. – Почему вы ждали так долго, прежде чем начать задавать вопросы?

Гарриет пожала плечами.

– Я хочу узнать, потому что… – Она затеребила замочек сумочки, избегая взгляда сыщика.

– Вы хотите узнать, потому что это даст вам своего рода власть над Фарном, – сказал Том. – Вы по каким-то причинам хотите его оскорбить.

Лицо Гарриет вытянулось.

– Ну, это уж слишком. – Она захлопала ресницами. – Я хочу выйти замуж за Гаррика. Он отверг меня и отослал из города. Он думает, что я сейчас на пути в Сассекс, где живет его мать. – Она улыбнулась. – Я похожа на девушку, которой захочется гнить в деревне под присмотром вдовствующей тетушки?

– Ничуть, – сухо ответил Том. – Как нехорошо со стороны Фарна вас отвергнуть. – Сыщик подумал, что Гарриет Найт, должно быть, уже очень давно хочет заполучить Гаррика. Скорее всего, она влюблена в него еще с детских лет. Неудивительно, что она так лелеет свою обиду. Он встал и обошел стол. – Примите мой совет, мисс Найт…

– Леди Гарриет, – поправила она его.

Том усмехнулся.

– Примите мой совет, леди Гарриет. Распространяя ради мести информацию о внебрачном ребенке Фарна, вы не получите желаемого удовлетворения. И это не убедит Фарна на вас жениться.

Гарриет надулась.

– Зато мне от этого станет лучше, – сказала она. – Мне нравится мстить.

– Встаньте в очередь, – пробормотал Том.

Ее большие зеленые глаза широко раскрылись.

– Прошу прощения?

– Нет, ничего, – сказал Том и вздохнул. – Наилучшей местью было бы показать Фарну, что именно он потерял. Найдите себе импозантного мужа, сбегите с кем-нибудь, вместо того чтобы лить по герцогу слезы…

– Ему будет все равно, – мрачно пояснила Гарриет. – Ему вообще на всех наплевать. Я хочу, чтобы он обратил на меня внимание.

– Ну, он безусловно вас заметит, если из-за вас его будут обсуждать в обществе, – сухо заметил Том. Он покачал головой: – Леди Гарриет, прошу вас, подумайте еще…

Она покачала головой.

– Если вы мне не поможете, – заявила она, – я просто найду кого-нибудь другого.

«А вот этого не нужно», – подумал Том. Ее сведения очень интересны. Они могут оказаться ему полезны. С другой стороны, втянувшись в это дело, можно обрести сложности, без которых он прекрасно обойдется. Однако Гарриет Найт – капризная и упрямая женщина. И она терпеть не может, чтобы ей отказывали. Если он не возьмется за ее дело, она найдет себе другого сыщика, а как раз в данный момент Тому очень не хотелось, чтобы кто-то, кроме него, рылся в делах Фарна. Они могли обнаружить, чем занимается Меррин. И могли узнать, что у него есть в этом деле свой интерес. И тогда разверзнется настоящий ад.

– Хорошо, – неохотно произнес он. – Я берусь за ваше дело.

Гарриет возбужденно заерзала.

– Есть только одна мелочь… – промурлыкала она.

Потом встала, подошла к Тому и прижала его к столу, прислонившись к нему своей большой, мягкой, теплой грудью.

– Я не могу заплатить вам, – пробормотала она.

Том старался не смотреть на ее сексуальную ложбинку.

– Я уже и так растратила свое последнее пособие. Так что… – она погладила его по груди, – нам стоит договориться о другом способе оплаты.

– Я так дела не веду, – прохрипел Том.

– А кто здесь говорит о делах? – Рука Гарриет скользнула по его бедру и ухватила промежность. – Как мило. – Она горячо дышала ему прямо в ухо. – Ты

одарен не только хорошей смекалкой.

И не успел он возразить, как она поцеловала его. Дерзкий язычок сразу проник ему в рот, и все его протесты тут же умерли естественной смертью. Она целовала его жадно и страстно, ее руки сновали у него по груди, залезали в рубашку и ныряли под пояс.

А потом все кончилось – быстро и жарко. Оглядываясь назад, Том назвал бы это потрясающе невероятным. Гарриет толкнула его на стул и умело расстегнула его штаны. Затем уселась сверху и оседлала Тома. Том застонал так, что задрожали стекла, а с крыши с сердитыми криками взлетели чайки. Он понял, что на Гарриет вообще нет нижнего белья. Он стянул с нее платье, и великолепные груди теперь колыхались у него перед носом при каждом ее движении. Но Гарриет внезапно спрыгнула на пол, оставив его задыхаться от неутоленного желания. Однако сразу опять вернулась и наклонилась через стол, беззвучно приглашая его к себе. Том не замедлил принять это предложение. Он притянул Гарриет к себе за шелковые юбки и глубоко вошел в нее. Стол закачался, перья, чернильница и куча папок со всеми секретами посыпались на пол.

Чуть позже Гарриет со слабой улыбкой посмотрела на Тома.

– Первым у меня был камердинер моего опекуна, мне тогда было шестнадцать. – Ее глаза заблестели. – Боюсь, с тех пор у меня появилось пристрастие к низшим слоям общества.

«Она совершенно четко указывает мне на мое место», – подумал Том.

Она томительно медленно поцеловала его и ушла.

Тому понадобилось немало времени, чтобы вернуть себе способность соображать, и еще больше, чтобы привести контору в порядок и вытереть пролитые чернила. Когда он наконец снова уселся за стол и подкрепился стаканом бренди, его мысли вернулись к предполагаемому приблудышу Гаррика Фарна. Если Гарриет была подростком, когда умерла Китти Нортекс, значит, подслушанные ею разговоры о ребенке примерно совпадают по времени с убийством Стивена Феннера. У Тома был отличный нюх на тайны, и он интуитивно чувствовал, что оба скандала связаны между собой. Если сведения

насчет ребенка похоронены так же глубоко, как дуэль с Феннером, будет очень трудно, хотя и не невозможно, их разыскать. Гарриет не ошиблась: он действительно лучший в своем деле.

Интересно, когда она вернется узнать, есть ли новости в расследовании. Том с нетерпением ждал новой порции платы. Он чувствовал себя чертовски удовлетворенным, хотя разум подсказывал, что смешивать дела с удовольствием, особенно связанным с ненасытной леди Гарриет, очень неосмотрительно. Но сыщик не жалел, что согласился на это. Правда, он понимал, что, расследуя дело Фарна, надо иметь ясную голову, но Гарриет оказалась чересчур соблазнительной. Она свалилась ему на голову как подарок судьбы во всех смыслах, а Том никогда не отказывался от возможностей, которые сами так и плыли в руки.

Том откинулся на спинку стула и посмотрел на реку. Он не сомневался, что справится с этой ситуацией, какой бы сложной она ни была. Меррин расследовала обстоятельства дуэли, и ею легко было манипулировать, потому что она ненавидела Фарна и хотела вершить правосудие. Сам Том был не слишком в ладах с последним понятием, он считал его смехотворно идеалистичным. Однако оно помогало ему иметь на своей стороне Меррин. Между тем Гарриет дала ему дополнительные сведения. Он изучит их и, возможно, найдет что-нибудь для себя полезное. А потом… Том припомнил свой грандиозный план. Возможно, он пошантажирует Фарна, если это будет соответствовать его целям. А может, даже позволит Меррин раскрыть обществу, что герцог – убийца. Получить такую власть, держать в руках судьбу герцогства – да, это будет отличный подарок. Все, о чем Том мог только мечтать. Он допил бренди. Сегодня на редкость удачный день.

Меррин быстрым шагом удалялась от королевской библиотеки, стук каблучков по мостовой отражал ее внутреннее смятение. Как Гаррик Фарн осмелился поцеловать ее; да еще так внезапно, что совершенно лишил ее разума. Этот надменный и дерзкий мужчина последовал за ней в библиотеку, разоблачил ее и бросил вызов ее планам. И ничем не показал, что сожалеет о смерти Стивена. Эта мысль причинила Меррин невероятную боль. Гаррик Фарн совершенно не сожалеет о трагедии. И уже за одно это он должен понести наказание.

Теперь у нее есть улика, еще один маленький кусочек мозаики, которая складывается в картину, отличную от официальной версии. Меррин

торжествовала. Гаррик может обесценить ее расследование, может самоуверенно заявлять, что она не найдет доказательств, чтобы выставить его преступником, но она-то знает, что это не так. Девушка сунула обтянутую перчаткой руку в карман шубки, пытаясь нащупать маленький листочек бумаги с выписанными из газеты сведениями.

Но там ничего не было.

Меррин застыла как вкопанная. На нее тут же налетел юный клерк из юридической конторы. Он отскочил, извинился и наградил ее удивленным взглядом. Меррин не обратила на него внимания, она отчаянно обыскивала карманы, буквально выворачивая их наизнанку. Ничего. Пустые карманы были как издевательство.

Может, она где-то выронила бумагу, на улице или в библиотеке… У Меррин упало сердце. Неужели ей могло так не повезти? Если она потеряла листок в библиотеке, есть вероятность, что его подобрал Фарн… Девушка снова застыла на месте.

– Низкая, презренная, коварная, отвратительная, гнусная жаба! – выругалась она.

Проходившая мимо респектабельная пара взглянула на нее с некоторым беспокойством. Меррин топнула ногой, да так, что ей стало больно. Но боль не уменьшила ее ярости.

Теперь она представляла, как все произошло. Глаза обожгли слезы гнева и разочарования. Она проиграла, подумала Меррин, вспомнив разговор с Гарриком.

Вы не найдете доказательств…

У меня уже есть кое-какие улики…

Как герцог догадался, где она прячет листок? Он еще в библиотеке видел, как она опустила его в карман? Но она же была так осторожна… Меррин сунула руки в карманы и снова двинулась в путь. Поникшая, несчастная. Не важно, как

Гаррик это выяснил. Главное, что теперь он знает, чем она занимается. Ему известно, что она собирает улики, и он в курсе ее намерений. Как только герцог понял, что она для него опасна, он сразу же начал действовать. Он кого-то нанял, чтобы узнать о ней, и потом проследил за ней.

Том был прав. Гаррик Фарн – опасный человек… Она его недооценила.

Меррин прикусила нижнюю губу, до сих пор ноющую после поцелуя Гаррика. И на мгновение все ее тело пронзило эхо испытанных ею чувств, кожу опалило огнем безысходного возбуждения и горькой обиды. Она ненавидела Фарна, но на какую-то безумную минуту наивно подумала, что он, может быть, поцеловал ее просто потому, что хотел этого. Она наслаждалась поцелуем гораздо больше, чем должна была, и это ее саму очень удивляло. А теперь она испытывала ярость и стыд. Ведь Фарн бывший распутник. Он использовал все свое былое обаяние, чтобы обмануть ее, обвести вокруг пальца. Он поцеловал ее намеренно, чтобы отвлечь, пока лез в ее карман, а она, маленькая невинная дурочка, растаяла от одного его прикосновения. И даже не заметила, что он сделал. Она ответила на его искусное соблазнение, а когда уходила, у нее кружилась голова и все мысли были только о нем. Он же получил именно то, что хотел. Он выиграл.

Меррин вскинула голову. Ну, в следующий раз ему уже не удастся так легко ее облапошить.

Холодный ветер норовил сорвать с нее шляпку, жалил щеки. Жаль, что она не может предугадать следующий шаг Гаррика. В некотором смысле он тоже был «хамелеоном»; Меррин чувствовала, что под ледяной оболочкой самоконтроля скрывается совсем другой человек. Непредсказуемый, загадочный. И еще в нем чувствовалась властная мужественность, какую она видела у немногих. Ее шурин Алекс тоже обладал ею, но Меррин просто отмечала это – и видела, как сильно Джоанну к нему тянет. Как и все ее наблюдения, это тоже было совершенно объективно, безо всяких эмоций. Но в случае с Гарриком… По телу девушки прокатился озноб. В случае с Гарриком грубоватая мужская привлекательность затрагивала ее лично. Она остро чувствовала его присутствие. Она чувствовала себя очень уязвимой. И не могла этого объяснить или как-то избавиться от этого чувства. Меррин скрипнула зубами. Вот почему Гаррик смог воспользоваться своим преимуществом – из-за ее ответной реакции.

Девушка завернула за угол и вышла на Тависток-стрит. Она жила у Джоанны и Алекса в городском доме, который те снимали. Здесь было тепло, тихо и уютно. Слуги выполняли каждое ее желание. Единственно, чего ей недоставало, – так это свободы. Меррин не привыкла отчитываться перед родственниками за каждый шаг. Частично поэтому она придумывала себе «друзей», у которых якобы оставалась ночевать, когда Джоанны не было в городе. Сестра никогда ее не расспрашивала. Она не подозревала о ее двойной жизни и работе на Тома Брэдшоу. Она доверяла Меррин. И до недавнего времени Меррин не чувствовала за собой никакой вины. Но Джоанна уже вернулась в город, поэтому Меррин каждый день приходилось обманывать сестру, и ее начала мучить совесть.

Девушка подошла к дому номер двенадцать. Лакей с поклоном пропустил ее внутрь. К Меррин радостно бросился маленький белый терьер, и она наклонилась, чтобы его поприветствовать. Сестры Меррин, Джоанна и Тэсс, сидели в гостиной и читали модные журналы – «Ледис мэгэзин» и «Ледис монтли мьюзем», – или, точнее, смотрели картинки. В доме была библиотека, но, кроме Меррин, ею пользовался только ее шурин Алекс. Меррин иногда задумывалась, что Алекс нашел в Джоанне. Их брак был устроен, но сейчас стало очевидно, что они любят друг друга. Меррин казалось непостижимым, что такой мужчина, как Алекс, с его разносторонними научными интересами, острым умом и проницательностью, мог влюбиться в ее сестру, которая интересовалась только магазинами, а ум у нее был не острее бисквита.

– Меррин, дорогая! – Джоанна отложила журнал и радостно улыбнулась младшей сестре. – Иди скорей к огню. Ты же до костей продрогла! Чем ты сегодня вечером занималась?

– Я была в библиотеке, – ответила Меррин, не вдаваясь в детали.

– Как мило, – сказала Джоанна и добавила: – Хочешь чашечку чая?

Принесли еще одну чашку, и Тэсс налила ей горячего напитка. Меррин сделала глоток и начала согреваться. Приятный аромат взбодрил ее. Тэсс и Джоанна болтали о модных зимних нарядах. Они сидели на диванчике и, склонив друг к другу головы, листали журналы. Их темные волосы поблескивали в свете камина. Память перенесла Меррин в давние времена. Две маленькие девочки, хорошенькие, как фарфоровые куколки, сидят в детской, и все ими восхищаются. Она же была лишь бледной копией их красоты. Не говоря уже о том, что постоянно лазила по деревьям, рвала юбки и сбивала коленки. И она

любила читать. По мере взросления Джоанна и Тэсс все больше времени проводили вдвоем и почти не обращали на нее внимания. Гаррик тоже не замечал ее – в тех редких случаях, когда он приезжал из Лондона вместе со Стивеном. С приездом этой парочки обыденная повседневность, так опостылевшая Меррин, резко менялась в лучшую сторону – в доме воцарялись смех, живость и отчетливо чувствовалось мужское присутствие. Она хорошо помнила, как они вваливались домой, все в грязи после верховой прогулки. Рыжие волосы Гаррика взлохмачены ветром, лицо бронзовое от загара. Меррин помнила и импровизированный боксерский поединок, который они со Стивеном устроили в загоне; гувернантка – мисс Браун – квохтала над девочками как курица и старалась увести их подальше. Но они все же успели увидеть Гаррика обнаженным по пояс, мускулистого и широкоплечего, почти такого, каким Меррин увидела его той ночью в спальне… Меррин заерзала на стуле и склонилась над чашкой, чувствуя, как пылают щеки.

В комнату вошел Алекс и тепло поприветствовал Меррин. Она смотрела, как он наклоняется, чтобы поцеловать Джоанну, и на секунду заметила в его потемневших глазах какое-то сильное чувство, которое она видела во взгляде Гаррика, когда тот смотрел на нее. Внезапно Меррин вся запылала, ей стало трудно дышать. Джоанна тоже раскраснелась, ее щеки порозовели, как у юной девочки. Алекс улыбнулся своей жене. Атмосфера в комнате накалилась. Меррин испытывала крайнее неудобство, как рыба, вытащенная из воды. Много лет она рассматривала любовь как литературный феномен, считала ее вымыслом и анализировала, будто это была дисциплина вроде философии или филологии. Но сейчас внутри нее что-то очнулось от зимней спячки и не желало засыпать вновь. Она на секунду прикрыла глаза и вновь почувствовала твердое и уверенное прикосновение Гаррика к ее щеке. Его рот – голодный и властный – прижимается к ее губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Н. Тенигиной.

2

Pointer – указывающий, указатель (англ.)

3

Около 152 сантиметров.

4

Стивидор – начальник над портовыми грузчиками, руководит подчиненными и всей погрузкой.

Купить: https://tellnovel.com/kornik_nikola/polnochnaya-lyubovnica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити